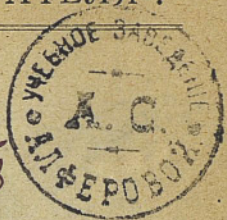

У 245
408

Н. Березинъ.

914
648

УКРАИНА.

(Малороссы, ихъ страна, бытъ и прошлое).

СЪ РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. акц. общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковскаго, 21.

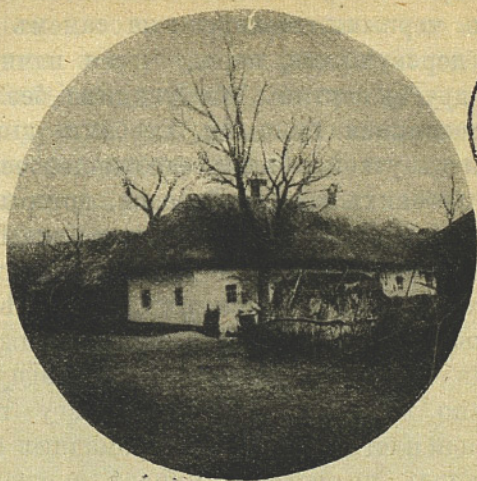
1907

ор-16643-42

2007085565

ВВЕДЕНІЕ.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора...

Стихи Алексѣя Толстого, обращенные къ Украинѣ..
кто ихъ не знаетъ. Это образы, навѣянные воспо-
минаніями дѣтства, проведеннаго въ уют-номъ имѣ-
ніи, гдѣ изъ оконъ богатыхъ хоромъ взоръ наблю-
дателя скользилъ, не проникая вглубь, по внѣш-
ней красотѣ. И сами мы увидимъ то же, если сядемъ
въ вагонъ поѣзда, направляющагося на югъ черезъ
юго-западныя губерніи. Когда черезъ полторы сутокъ

мимо оконъ промелькнутъ наши болота, ельники, березнички, и останутся позади полосатые отъ посѣвов холмы съ черными, стоящими на самомъ юру встречными деревушками, передъ нами начнутъ разветвляться другія картины. Мы увидимъ безлѣсныя ранины, колосающіяся буйными хлѣбами, широкія зеленныя балки съ узкой рѣчкой, заплывшей зеленью; черныя, въ глубокихъ колеяхъ дороги, которыя, дѣйствительно подобно „ракамъ“, какъ выразился Гоголь, разползаются во всѣ стороны отъ громадныхъ селеній состоящихъ уже не изъ темныхъ, а изъ бѣлыхъ хатъ накрытыхъ мохнатыми, аккуратно подстриженными сломенными крышами. Сѣрые вола, нагнувъ голову медлительно влекутъ, за собой телѣгу по грязной обставленной плетнями улочкѣ. Громадныя стада гусей расположились на зеленой муравѣ мокраго луга, и медленно махая перистыми крыльями, плыветъ по воздуху долговязый аистъ, направляясь къ хвостовидному гнѣзду своему, которое онъ приладилъ близъ почернѣвшаго горшка безъ дна, поставленнаго опрокинутымъ на крышу и изображающаго собою дымовую трубу. Вотъ и люди: мужчины въ свитахъ, въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ, бритые и медлительные; бабы и дѣвушки въ невиданныхъ на сѣверѣ уборахъ, веселыя пѣвуньи и „цокотухи“. Вотъ и хутора, тонущіе въ купахъ плодовыхъ деревьевъ, осыпанныхъ весной цвѣтами, осенью плодами, отъ тяжести которыхъ вѣтви согнулись и неподвижно простерлись въ жаркомъ воздухѣ, не поддаваясь усиліямъ вѣтерка, волнующаго степной ковыль, какъ воды моря. И Двѣпръ струится синій, сверкая, какъ полоса дамасской стали. Словомъ все, повидимому, напоминаетъ описанное стихомъ поэта который, подобно намъ, взиралъ на мирную картину.

издалека, не всматриваясь въ подробности. Однако, кто поживетъ подольше въ Малороссіи и ознакомится съ ея „обиліемъ“, которое дѣйствительно не миеѡ, а сущая правда, тотъ неизбѣжно задастъ себѣ вопросъ — если „край обиліемъ дышетъ“, то почему же люди тамъ бѣдны, хмуры и смотрять на васъ, чужого паныча, недружелюбно, исподлобья? И отвѣтъ не замедлитъ на-вернуться на уста, особенно если, помимо знакомства съ дѣйствительностью, вы удѣлите хотя мимолетное вниманіе историческому прошлому Малороссіи.

Малороссы.

ГЛАВА I.

Природа Малороссіи.

Современная Малороссія не имѣетъ опредѣленныхъ границъ. Можно, пожалуй, сказать, что этимъ именемъ слѣдуетъ называть тѣ губерніи юго-западнаго угла Россіи, въ которыхъ малороссы составляютъ подавляющее большинство жителей. Въ такомъ случаѣ Малороссію составятъ губерніи: Черниговская, Полтавская, Харьковская, Кіевская, Подольская и Волынская. Кромѣ того, однако, сплошныя поселенія малороссовъ встрѣчаются не только въ губерніяхъ смежныхъ съ этими, но даже въ такихъ, которыя расположены довольно далеко отъ нихъ. Въ губерніяхъ Гродненской и Курской живетъ немало малороссовъ. Еще больше ихъ въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической, въ Области Войска Донского и Кубанскаго, на побережьѣ Чернаго моря. Наконецъ сплошное малорусское населеніе обитаетъ въ сосѣднихъ провинціяхъ Австро-Венгріи — въ Галиціи и Буковинѣ, также въ сѣверной Румыніи. Такимъ образомъ малорусское племя занимаетъ громадное пространство—отъ Карпатъ и до Кавказа, отъ средняго теченія Днѣпра и Дона до береговъ Чернаго моря. Правда, здѣсь живутъ не одни

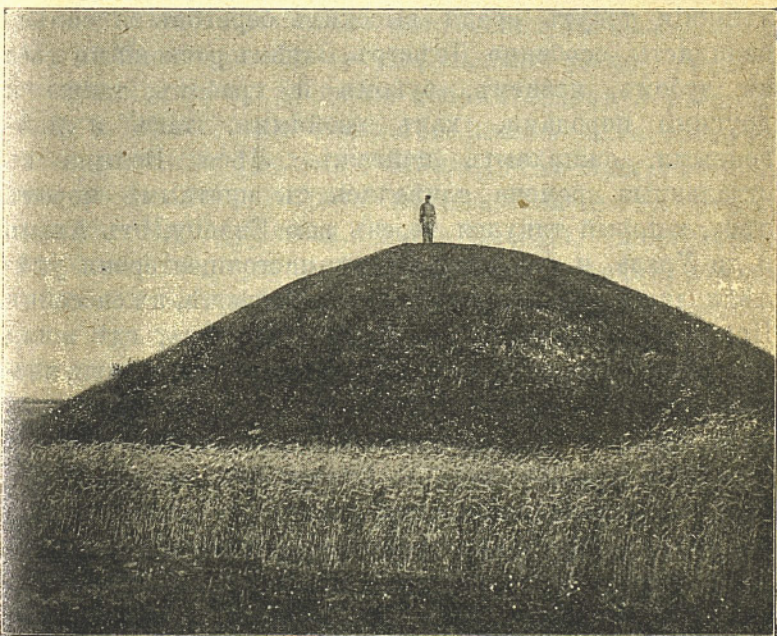
малороссы. Среди нихъ разсыпаны, гдѣ гуще, гдѣ рѣже другія народности, какъ напр., поляки, евреи, молдаване, великороссы, тѣмъ не менѣе число всѣхъ малороссовъ такъ велико, что, пожалуй, если считать какъ слѣдуетъ, общая численность ихъ составить не менѣе, если не болѣе половины великороссовъ, т. е. отъ 25 до 35 милліоновъ душъ. А вѣдь это немногимъ меньше численности населенія такой „великой державы“, какъ Франція.

Земля, населенная малороссами, при громадномъ пространствѣ ея, не можетъ быть одинаковой. Если даже понимать подъ Малороссіей телько шесть прилегающихъ къ среднему теченію Днѣпра и къ Днѣстру губерній (Черниговская, Полтавская, Харьковская, Кіевская, Подольская, Волынская), то и въ такомъ случаѣ различія между отдѣльными частями будутъ достаточно велики. Какъ бы ни мѣнялся видъ мѣстности, общее для всего этого края заключается въ томъ, что климатъ здѣсь отличается короткой, не слишкомъ холодной зимой и теплымъ лѣтомъ, въ теченіе котораго выпадаетъ столько дождя, что засухи сравнительно рѣдки. Далѣе, во всѣхъ этихъ чисто малорусскихъ губерніяхъ почва черноземная, т. е. очень плодородная. Въ остальномъ же наблюдаются большія различія. Волынь и Подолія расположены въ холмистой странѣ, примыкающей къ подножію Карпатъ. Кромѣ того это лѣсныя губерніи. Лѣса, которые въ древнія времена подступали къ самому Кіеву, тянулись и дальше на югъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; они были вырублены потомъ. На Волыни они сохранились, потому что болѣе влажный климатъ, холмы и болота сѣверной Волыни благопріятны ему. Но въ остальныхъ губерніяхъ, кромѣ Черниговской, лѣсъ очень рѣдко гдѣ украшаетъ пейзажъ.

Чѣмъ далѣе на югъ и на востокъ, тѣмъ большія пространства захвачены степью, то есть, не степью, а тѣмъ, что прежде было ею. Въ Черниговской губерніи еще настолько влажно, что почти вездѣ среди слабо волнистыхъ равнинъ близко или далеко на горизонтѣ синѣютъ темныя заросли, представляющія, если не лѣсъ, то хоть нѣкоторое подобіе его. Но южнѣе нѣтъ и того. Лѣсъ или, вѣрнѣе, древесныя насажденія прячутся тамъ въ глубинѣ балокъ или жмутся къ рѣкамъ, сопровождая ихъ болотистые берега. Влажные луга, въ которыхъ нога вязнетъ по колѣно въ какой-то смѣси растительности и почвы, болота, сплошь заросшія камышами, озерки, исчезаютъ на югѣ почти совершенно, замѣняясь солонцами, т. е. слабыми впадинами, въ которыхъ скопляющаяся весною вода испаряется лѣтомъ, оставляя въ почвѣ соль.

Во всѣ стороны стелется безграничная равнина. Но эта не та плоская, какъ полъ, низменность, которая охватываетъ широкой каймой сѣверное побережье Чернаго моря. Эта равнина слабо волниста. Передъ вашими глазами пространство уходитъ вдаль широкой пологой волной. Вы долго плететесь по ней по дорогѣ, среди моря хлѣбовъ, и когда достигнете едва замѣтнаго гребня этого пологого повышенія почвы, то, бросивъ взглядъ впередъ, увидите передъ собой, новое волнообразное поднятіе ея, опять настолько пологое, что кажется, будто это не что иное, какъ круглота самой земли. Мѣстами тамъ и сямъ видны небольшія правильныя горки. Онѣ стоятъ или одиноко или группами, возвышаясь иногда на нѣсколько сажень надъ окрестною почвой. Это курганы. Время отъ времени путь пересѣкаетъ широкая ложбина съ крутыми, а потомъ пологими краями, поросшими тра-

вой, кустарникомъ, даже деревьями. Это „балка“. По
дну ея змѣится рѣчка, вся въ камышахъ и тростни-
кахъ, между топкихъ луговъ, и тутъ уже непременно
встрѣтятся поселенія, люди и животныя, чего такъ
мало на ровномъ верху. Въсто балки, представляющей

Курганъ въ степи. На нѣкоторыхъ курганахъ стояли грубыя извая-
нія изъ камня такъ называемыя „каменные бабы“.

широкую долину, дорогу нерѣдко перегораживаетъ
оврагъ, т. е. узкая рывина съ отвѣсными, обнажен-
ными отъ растительности краями, очень глубокая и
нерѣдко очень длинная. Есть овраги, которые тянутся
на десятки верстъ, пуская во всѣ стороны многочислен-
ные отростки. Такимъ образомъ безлѣсье, слабо-волни-

стая равнинность, балки, овраги, черная почва и обиліе травянистой растительности—вотъ что характерно для той половины Малороссіи, которая тянется къ юго-востоку на соединеніе съ черноморскими степями. Между тѣмъ Подолія и Волинь отличаются своимъ холмистымъ рельефомъ, благодаря чему рѣки и рѣчки здѣшнія текутъ среди высокихъ береговъ и сильно извилисты, особенно Днѣстръ. Затѣмъ роскошные лѣса съ дубомъ, ясенемъ, букомъ и грабомъ, также и другими породами, какъ хвойными, такъ и листовными, оживляютъ пейзажъ. Лѣса Волини въ отдаленныя времена сливались съ плотнымъ моремъ лѣса, который тянулся черезъ всю Европу, отъ Альпъ и до Урала, и отъ котораго въ настоящее время уцѣлѣли лишь большія площади въ Полѣсьѣ, въ бассейнѣ Припяти и Березины. Это былъ тотъ лѣсъ, гдѣ жили древляне и дреговичи, а рядомъ съ ними ятвяги, племена, которыя по бѣдности платили дань кіевскимъ князьямъ лѣномъ и вѣниками, въ лучшемъ случаѣ, медомъ и воскомъ дикихъ пчелъ. Когда-то въ этихъ лѣсахъ бродилъ дикій туръ, на котораго охотился еще Владимиръ Мономахъ, водился зубръ, отъ котораго уцѣлѣло, благодаря казенной охранѣ, небольшое стадо въ Бѣловѣжской пушчѣ Гродненской губерніи. Эти крупныя животныя истреблены, но козы, олень и кабаны, не говоря про волка, медвѣдя и другихъ лѣсныхъ животныхъ, уцѣлѣли. Степь также была прежде населена крупными животными. Въ ней водились дикія лошади, тарпаны, которыхъ академикъ Гмелинъ засталъ еще во время своего путешествія, совершеннаго въ донскихъ степяхъ во второй половинѣ XVII вѣка; водилась антилопа—сайга и другіе степные звѣри, родиной которыхъ являются пустыни и степи Азіи. Теперь объ

этихъ звѣряхъ и помину нѣтъ. Если не считать волка, то едва ли не самыми крупными животными нынѣшней степи являются птицы, именно дрофы, журавли и другія. Лѣса Бѣлорусскаго края и сѣверо-западной Малороссіи не сразу переходятъ въ степь. Въ широкой полосѣ, раздѣляющей лѣсной край отъ чисто степного, лѣса рѣдѣютъ постепенно, встрѣчаясь все рѣже и рѣже въ видѣ островковъ и отдѣльныхъ рощъ, пока не исчезнутъ вовсе, за исключеніемъ балокъ и рѣчныхъ поймъ. Обыкновенно наиболѣе низкія части степи заняты рѣчными руслами, окаймленными поймами шириной въ 1—2 версты, или даже въ нѣсколько десятковъ верстъ. Междурѣчныя, болѣе высокія, пространства изборожжены оврагами, балками и западинами, и чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ ихъ больше. Смѣло можно сказать, что въ прежнія времена балокъ и овраговъ было куда меньше. Овраги особенно увеличились въ числѣ и размѣрахъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ заселилъ степь и принялся распахивать ея поверхность сплошь. Бѣда въ томъ, что овраги все увеличиваются. Пока степь представляла дикую цѣлину и являла тотъ пейзажъ, который яркими красками описанъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ Гоголя, поверхность ея была покрыта сплошнымъ войлокомъ старыхъ отмершихъ и свѣжихъ, только что проростающихъ корней безчисленныхъ степныхъ растений. Даже весной, когда стремительныя воды растаявшаго снѣга несутся въ ложбины, или лѣтомъ послѣ обильнаго ливня напоръ воды былъ не въ состояніи сорвать этотъ защитный покровъ. Но вотъ явился человѣкъ. Скотъ, который онъ пускаетъ пастись, первый нарушаетъ цѣлину дѣвственной степи. Копыта коней и воловъ пробиваютъ травянистый коверъ, взрываютъ его и обнажаютъ подпочву, на разрушеніе которой устре-

мляются въ союзѣ вѣтеръ и вода. Достаточно, чтобы гдѣ-нибудь въ едва замѣтной ложбинѣ, выбѣгающей къ балкѣ или рѣкѣ, обнажилась подпочва, и ложбина начинаетъ превращаться въ оврагъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мѣстность уже невозможно узнать. На мѣстѣ ложбины протянулся длинный оврагъ, который пустилъ во всѣ стороны отроги. Самъ оврагъ и всѣ его отроги непрерывно растутъ въ длину, оттого что послѣ каждаго ливня вода въ видѣ потоковъ, устремляясь въ него, углубляетъ его, заставляя обрушиваться края и такимъ образомъ увеличиваетъ оврагъ по всѣмъ направленіямъ: въ длину, ширину и глубину. Причиняемое этимъ бѣдствіе громадно. Во-первыхъ, въ Малороссіи, гдѣ земля дорога, гдѣ крестьяне имѣютъ ея очень мало, сокращеніе поля, вызываемое оврагомъ, есть уже ущербъ; но кромѣ того въ оврагъ часто сносится верхній плодородный слой почвы — черноземъ; тамъ онъ перемѣшивается съ бесплодной глиной или пескомъ; далѣе присутствіе оврага убавляетъ влагу въ почвѣ во всей окрестности его; оврагъ дѣйствуетъ, какъ громадная осушительная канава тамъ, гдѣ въ этомъ не только нѣтъ надобности, а наоборотъ, необходимо сохранять влагу. Оврагъ перестаетъ расти только тогда, когда настолько расширится, что края его изъ обрывистыхъ становятся пологими. Тогда они обростають растительностью, и оврагъ есть уже не оврагъ, а балка.

Кромѣ этихъ впадинъ въ степи встрѣчаются еще мѣстами „блюдца“, т. е. незначительныя углубленія въ поверхности земли, имѣющія форму тарелки. Ранней весной блюдца наполняются талой водой и представляютъ тогда маленькія озерки или прудки. Когда лѣтомъ степь начинаетъ выгорать, то эти озерки также высыхаютъ, но благодаря остающейся влагѣ дно ихъ вы-

дѣляется въ видѣ ярко зеленаго пятна на фонѣ зрѣющихъ хлѣбовъ или побурѣвшей отъ зноя травы. Дѣвственныхъ ковыльныхъ степей, которыя тянулись нѣкогда на сотни и тысячи верстъ вдаль, нѣтъ уже нигдѣ. На каждомъ шагу чувствуется присутствіе человѣка. То далеко до самаго горизонта колосятся, какъ зеленое море, хлѣба, то виденъ пасущійся скотъ, то наконецъ, попадаются хутора, окруженные садами, пестрѣютъ перелѣски, или среди гречи раскинулась пасѣка.

Равнинный характеръ мѣстности и свойства породъ являются причиной, почему здѣшнія рѣки текутъ среди широкихъ долинъ, въ которыхъ имъ открывается полное раздолье мѣнять свое русло. Нерѣдко рѣчки, имѣющія въ ширину всего нѣсколько сажень, текутъ среди поймы, шириной въ 8—10 верстъ. Главной рѣкой всего края является Днѣпръ. Среднимъ своимъ теченіемъ Днѣпръ принадлежитъ всецѣло Малороссіи. Онъ струится плавно среди отлогихъ береговъ и вполне оправдываетъ знаменитое описаніе: „ни шелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылить онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину рѣтеъ и вьется по зеленому міру“. Но не вездѣ Днѣпръ таковъ. Южнѣе Кіева черезъ Малороссію протягивается въ направленіи отъ Карпатъ къ востоку гранитный кряжъ, незамѣтный для взора, такъ какъ онъ ушелъ далеко въ глубину земли и съ поверхности покрытъ, иными породами. Но рѣки, особенно большія, какъ Днѣпръ и Днѣстръ, углубили свои русла до гранита и тамъ, гдѣ воды ихъ принуждены переливаться въ своемъ стремленіи къ морю черезъ каменную преграду, они обточили ее, не будучи въ состояніи размыть и

разрушить, какъ они размыли налегающія сверху рыхлыя породы. Здѣсь, въ этой части теченія рѣки, особенно Днѣпръ, образуютъ пороги. На Днѣпрѣ знаменитые пороги расположены на протяженіи 70 верстъ между городами Екатеринославомъ и Александровскомъ. Извѣстно, какую громадную роль пороги играли въ исторіи Южной Руси — мимо нихъ древніе руссы должны были обносить свои ладьи, непрестанно подвергаясь опасности нападенія отъ печенѣговъ. Впослѣдствіи „за порогами“ возникла Сѣчь. Наконецъ и въ наше время пороги почти запираютъ Днѣпръ, такъ какъ благодаря имъ плаваніе изъ Чернаго моря вверхъ по рѣкѣ совершенно невозможно. Представьте себѣ обширный край, по которому несется большая рѣка, какихъ мало во всей Европѣ, принимающая справа и слева много судоходныхъ притоковъ; и эта рѣка, которая одна могла бы измѣнить все историческое развитіе страны, оказывается запертой порогами до такой степени, что въ торговомъ отношеніи теченіе Днѣпра до и за порогами можно разсматривать, какъ двѣ различныя рѣки. Пароходы не могутъ осилить пороговъ. Нечего и говорить, что этого не въ состояніи и всѣ другія суда. Только весной, когда прибылая вода подыметъ уровень Днѣпра, черезъ пороги несутся вереницы плотовъ, а стороной по особо устроеннымъ каналамъ плывутъ барки.

Тому, кто впервые видитъ Днѣпровскіе пороги, эту полосу слабо журчащей и слегка вскудренной бѣляками волнъ воды, невольно приходится разочароваться. Зритель ожидаетъ увидѣть цѣлый хаосъ пѣны, ревъ громоздящихся и яростно хлещущихъ въ камни волнъ, а передъ нимъ ласково, но быстро стремящаяся впередъ съ тихимъ журчаніемъ рѣка. „Такъ это знаме-

нитые пороги!“ готовъ воскликнуть онъ въ досадѣ обманутаго ожиданія. „Такъ здѣсь то погибъ Свято-славъ отъ руки печенѣговъ, и черепъ его сталъ чашей для пировъ, здѣсь мелькали чайки запорожцевъ, устремляясь на Черное море!“ Дѣйствительно, почти всѣ пороги могутъ разочаровать путешественника, всѣ, кромѣ Ненасытца. Здѣсь, стоя на голомъ камнѣ перевозданной скалы, зритель увидить, наконецъ, картину, которую

Днѣпровскій порогъ Ненасытець. Съ правой стороны скалы, съ вершины которыхъ открывается видъ на весь порогъ.

онъ съ нетерпѣнiемъ ожидалъ. Передъ нимъ кипитъ хаосъ пѣны, звучитъ ревъ высоко прыдающихъ среди черныхъ камней валовъ, — и вся рѣка представляется громаднымъ и дикимъ, сорвавшимся съ цѣпи, свирѣпымъ звѣремъ. Можно стоять часами и любоваться Ненасытцемъ. По срединѣ, гдѣ вдоль рѣки протянулась лента сравнительно спокойной воды, гдѣ вепѣнные валы движутся стройными рядами, плывутъ плоты. Они несутся быстро, извиваясь по волѣ могучаго теченія, точно гигантскія змѣи, и за дальностью разстоя-

нія взоръ не видитъ, какъ свирѣпая волна бьетъ ихъ о камни, какъ, словно слишкомъ сильно натянутыя струны, рвутся толстые канаты, и освободившіяся бревна, подобно спичкамъ, переламываются пополамъ. И этотъ ходъ еще очищенъ инженерными работами съ помощью пороха и динамита отъ особенно опасныхъ камней. А взгляните направо. Видите тамъ мѣсто, гдѣ бѣлыя волны сталкиваются со всѣхъ сторонъ и бьются другъ въ друга, какъ бойцы въ послѣдней отчаянной схваткѣ. Это „пекло“. „Попавсь у пекло, буде іому холодно й тепло“, говоритъ старая поговорка. И вотъ мимо этого ада протягивается старый „козацкій ходъ“, т. е. фарватеръ, по которому проходили порой козацкія чайки ¹⁾. Трудно себѣ представить, сколько мужества и хладнокровія нужно имѣть, прежде чѣмъ ринуться въ эту пучину, гдѣ сила теченія вырываетъ весла изъ рукъ гребцовъ и ломаетъ стерно ²⁾, гдѣ волны, какъ разъяренные львы, лѣзутъ въ лодку и готовы ежеминутно залить ее, разбить вдребезги о камни, какъ орѣховую скорлупу.

За послѣднимъ порогомъ Гадючимъ Днѣпръ внезапно суживается среди почти отвѣсныхъ береговъ, образуя Волчье горло, т. е. тѣснину, вырвавшись изъ которой, рѣка раздѣляется на рукава и, все еще продолжая течь черезъ тамъ и сямъ попадающіеся камни, оставляетъ съ правой руки длинный островъ Хортицу, на которой долгое время стояла Запорожская Сѣчь. Еще ниже, за г. Александровскомъ, долина Днѣпра неимоვნно расширяется, и тутъ, словно водяная степь, развертываются плавни, т. е. цѣлое море камышей съ

1) Такъ назывались козацкіе челны.

2) Рулевое весло.

мелькающей кое-гдѣ серебристой полоской воды, низкіе, покрытые кудрявой растительностью острова, съ безчисленными протоками, въ которыхъ ничего не стоитъ заблудиться. Здѣсь, въ случаѣ нападенія, запорожцы находили на время вѣрное убѣжище, въ которомъ ихъ не только добыть, но отыскать не могъ бы никакой врагъ. Утки и другая водяная дичь носятся здѣсь иногда тучами, много рыбы и, конечно, много комаровъ и мошкары. Все остальное теченіе Днѣпра приходится собственно на Новороссію и составляетъ какъ бы самостоятельную рѣку, на которой стоятъ большіе, поддерживающіе дѣятельную торговлю съ заграницей, города. Наконецъ широкой лиманъ, или „гирло“ (горло) открываетъ днѣпровскимъ водамъ выходъ въ море. Мели и необозримые камыши съ островками, на которыхъ ютятся рыбаки, заполняютъ его. Среди острововъ особенно извѣстенъ большой Березань островъ: на немъ выходившіе въ морской походъ руссы, а впоследствии козаки переснащивали свои лодки для плаванія по морю. Возможно, что по имени этого острова получилъ свое названіе „Борисѣень“ и самъ Днѣпръ.

Другая рѣка, принадлежащая малорусскому краю гораздо большимъ участкомъ своего теченія, Днѣстръ, во всѣхъ отношеніяхъ теряется рядомъ со свсимъ старшимъ братомъ. Днѣстръ мало уступаетъ Днѣпру въ длинѣ, но, протекая по болѣе всхолмленной мѣстности, онъ страшно извилистъ и, вслѣдствіе пороговъ, мелей и камней, мало годенъ для судоходства. Днѣстръ протекаетъ по западной половинѣ Малороссіи, населеніе которой раньше подпало вліянію Польши и не играло такой роли въ исторіи края, какъ жители настоящей Украины, которую составляютъ въ сущности только губерніи, прилегающія къ Днѣпру съ запада. Благодаря

своимъ рѣкамъ, особенно Днѣпру, Малая Русь издавна находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ съ лежавшими къ сѣверу отъ нея странами. Уже на зарѣ русской исторіи Днѣпръ составлялъ главнѣйшую часть великаго воднаго пути „изъ варягъ въ греки“. По Днѣпру вмѣстѣ съ христіанствомъ вторглась въ Русь византійская культура. Впослѣдствіи вдоль его теченія разрослись на югъ Литовское и Польское государства. Днѣпръ выносилъ на хребтѣ своихъ водъ козацкіе челны въ Черное море, вслѣдствіе чего Польша постоянно имѣла непріятности съ Турціей и Крымомъ. Наконецъ вдоль его теченія Малая Русь раскололась въ эпоху Богдана Хмельницкаго на „сегобочную“ и „тогочную“ или на Украину и Гетманщину. Словомъ, на Руси нѣтъ другой рѣки, которая имѣла бы такое значеніе въ исторіи ея населенія, какъ Днѣпръ, „Руси чистая купель“, какъ называлъ его поэтъ Хомяковъ. Теперь, когда старина отодвинулась еще далѣе вглубь время, когда по обѣ стороны Днѣпра протянулись въ безконечную даль нивы, на берегахъ его возникло много городовъ и поселеній. Пароходы, баржи и разныя лодки, да плоты плаваютъ по Днѣпру. Рѣка оживлена хозяйственной дѣятельностью. Черезъ нее перекинулись желѣзнодорожные мосты, ее углубляютъ, прочищаютъ, взрываютъ камни на порогахъ, проводятъ въ обходъ ихъ каналы. Днѣпръ становится слугой и рабомъ жаднаго человѣка, а не другомъ и союзникомъ, какимъ былъ въ козацкія времена. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теряетъ то поэтическое обаяніе, съ какимъ было связано самое имя его въ представленіи народа, долго жившаго и страдавшаго на его берегахъ.

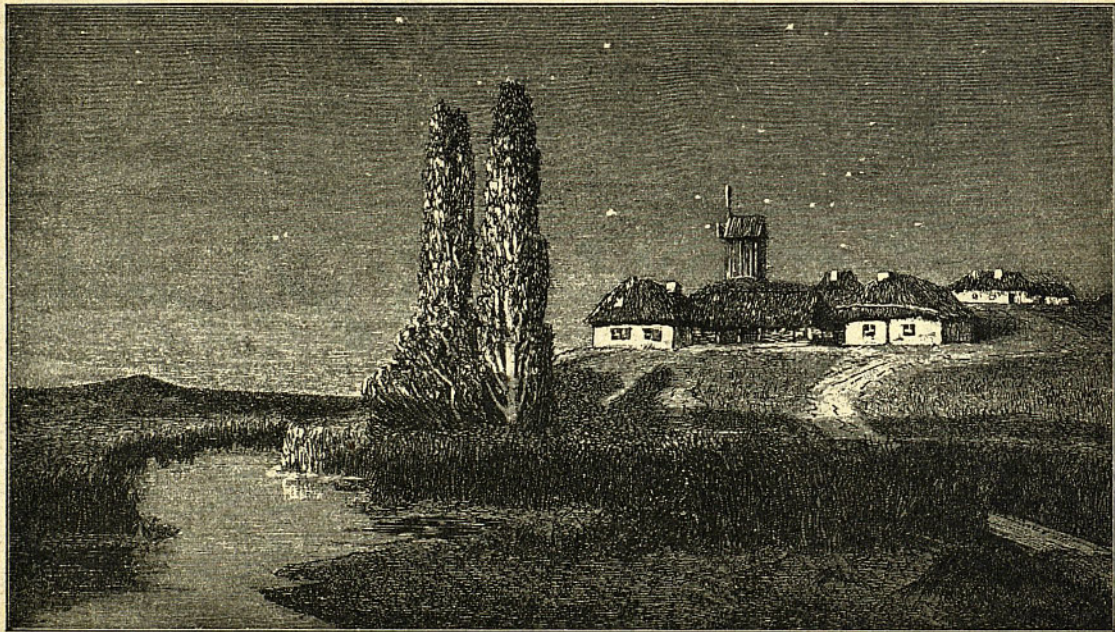
Волнистая поверхность Малороссіи покрыта черноземной почвой. Черноземъ благословеніе и въ то же время

проклятієкрая. Эта мелкая, разсыпчатая и почти столь же черная, какъ уголь, почва обладаетъ почти неисчерпаемымъ плодородіемъ. Ему Малороссія обязана своимъ обиліемъ всего, что родить земля, но обиліе это было и есть до сего дня причина, почему земля высоко цѣнится и составляетъ предметъ жестокой борьбы между людьми. Плодородіе малорусскихъ земель привлекло сюда въ историческія времена жадное польское дворянство; плодородіе сдѣлало Украину жертвой ея сосѣдей, вызвало раздѣленіе, присоединеніе къ Москвѣ, закрѣпощеніе ея населенія, и въ наше время эта же не устающая производить хлѣбъ, овощи и плоды земля является предметомъ ожесточенныхъ раздоровъ между населяющими и владѣющими ею людьми.

Было, однако, время, когда чернозема не существовало. Это было давно, очень давно. Вѣроятно въ тѣ времена берега моря простирались гораздо дальше къ сѣверу, чѣмъ теперешнее Черноморское побережье. Въ то время нарасталъ и надвигался на сѣверъ Европы громадный ледникъ. Валуны, которыми онъ усѣялъ поверхность сѣверныхъ странъ, встрѣчаются въ самой Малороссіи. Значить, и досюда простиралось холодное вѣяніе леденящаго холода. Полагаютъ, что во время отступанія ледника въ предѣлахъ южной Россіи отложился лёсъ, мелкозернистая желтоватая глина. Затѣмъ уже, благодаря безконечной смѣнѣ степныхъ травъ, лесовая и известковая почва стала накрываться слоемъ чернозема, въ которомъ въ совершенно перегнившемъ состояніи сохранились разложившіеся остатки безчисленныхъ поколѣній ковыля и другихъ растений степи. Этотъ черный перегной, примѣшиваясь къ мелкозернистой почвѣ, разлагавшейся подобно ему отъ дѣйствія

воды, воздуха и вліянія растительности, въ концѣ концовъ, превратился въ плодородный черноземъ.

Одного чернозема, однако, недостаточно еще для урожая. Теплый климатъ съ долгимъ лѣтомъ и обильными дождями—вотъ что даетъ силу почвѣ. Зима въ Малороссіи не такая длинная, не такая холодная, какъ у насъ въ средней и сѣверной Россіи. Первый снѣгъ покрываетъ степь въ серединѣ октября, но онъ не разъ сходитъ, пока не уляжется окончательно къ началу декабря, когда вмѣсто телѣгъ выѣзжаютъ на саяхъ. Сколько нибудь сильные холода бываютъ на святкахъ и въ январѣ. Въ февралѣ уже начинаетъ пахнуть весной, хотя снѣгъ упорно лежитъ и стаиваетъ окончательно лишь въ началѣ марта. Впрочемъ, что это за снѣгъ! Это не наши снѣга, которые толстымъ слоемъ надолго покрываютъ землю. Въ Малороссіи сугробы вѣтеръ навѣваетъ лишь въ степи. Обычно даже въ серединѣ зимы его немного, и бываютъ дни, которые скорѣе похожи на весенніе, чѣмъ на зимніе. Въ мартѣ весна въ полномъ разгарѣ. Съ каждымъ днемъ становится теплѣе и теплѣе. Май въ западной Малороссіи—лучшее время года—все зеленѣетъ и цвѣтетъ. „Ароматъ воздуха—нѣтъ возможности передать“, говоритъ одинъ писатель съ Воыни, „млѣющій, онъ бросаетъ въ лицо то нѣжный запахъ фіалокъ, то травы, то потянетъ сосной, ландышемъ, заберется далеко внутрь, въ самую глубину сердца, вольетъ въ него радость сознанія чуднаго дня, освѣжить, разгладить складки души и заставить и внутри въ себѣ прибраться въ тонъ этой майской прородѣ... Солнце, счастливое радостью земли, льетъ съ неба свой свѣтъ и ласку на землю, а земля изнываетъ въ блаженствѣ и замерла въ чудной прелести наряда... Въ этой безднѣ зелени, воздуха и неба по-

Лунная ночь на Днѣпрѣ.
(Съ картины Куинджи).

слѣдними штрихами манятъ къ себѣ высокіе, стройныя, одинокіе тополи, то здѣсь, то тамъ разбросанныя по деревнямъ. Непередаваема прелесть этихъ тонкихъ зеленыхъ пирамидъ и рядомъ съ ними бѣлыхъ чистенькихъ хатокъ, съ аккуратными оконцами, съ высокими, соломой подъ лопату крытыми крышами, съ гнѣздами аистовъ на нихъ, съ садочкомъ и огородомъ, въ которомъ и макъ, и конопля, и капуста, и дыни, и арбузы, и чего нѣтъ. Хлопочетъ тамъ стройная хохлуша, въ своей красивой повязкѣ на головѣ, спускающейся на плечи, вышитой рубахѣ и червонной сподницѣ, а лѣнивый хохоль, въ бѣлыхъ штанахъ и бѣлой рубахѣ, босой стоитъ, курить люльку и смотреть на свѣтъ Божій такъ, какъ будто хочетъ сказать: „та не морочьте вы моей головы.“ За весенней порой тянутся вереницы чудныхъ ясныхъ дней, полныхъ блеска и сверканія горячихъ нѣжныхъ красокъ, перемежаясь съ таинственными синими ночами, во мракѣ которыхъ заливаются соловьи, и, вторя имъ, заливаются пѣснями люди. Днемъ не только печетъ, но яркій свѣтъ солнца слѣпнеть глаза. До вечера оконца хатъ бывають прикрыты ставнями, чтобы хоть немного уберечь въ домахъ забравшуюся туда ночью прохладу и мракъ. А когда выйдетъ на небо рогатый мѣсяцъ, и алмазными искрами загорятся звѣзды, надъ степью, надъ зелеными садами хуторовъ нависнетъ какой то прозрачный мракъ, тѣни станутъ изсиня черными, пыльная дорога мерцаетъ, какъ матовое серебро, бѣлыя стѣны хатъ сіяютъ бѣлизной, и въ тепломъ воздухѣ, въ запахѣ росистой травы цвѣтовъ и деревьевъ столько глубокой нѣги, задумчивой и тихой радости, что невольно просыпается желанье слиться съ таинственно дышащей природой въ одно цѣлое, и понятнымъ становится, почему такъ

Южно-русская степь.

звонко и захватывающе дружно поютъ гдѣ то далеко за деревней два мелодичныхъ голоса. Надо испытать всю прелесть украинской ночи, окунуться въ ея голубую, теплую темноту, чтобы понять, почему люди здѣсь чувствительны, склонны къ задумчивости, любятъ гармонично льющуюся пѣсню и вѣрятъ разной чертовщинѣ, въ русалокъ, вѣдьмъ и упырей, которые, какъ только спустится на землю ночь, закопошатся во всѣхъ закоулкахъ. Жить хочется здѣсь не днемъ, когда все замираетъ въ томящемъ зноѣ, а именно ночью. Иногда подъ знойный вечеръ встанетъ изъ за края земли черная туча, затемняя широкую степь. На темной стѣнѣ ея сверкнетъ молнія, и снова все погрузится во тьму. Прокатится первый далекій грохотъ грома, бѣшено рванетъ вѣтеръ. Молніи блещутъ все ярче, ближе; раскаты грома гремятъ надъ самой головой, вдругъ дождь хлынетъ такимъ ливнемъ, что вмигъ въ сухой степи потекутъ ручьи и рѣчки, бурля и пѣнясь, вырывая глыбы земли въ краяхъ овраговъ. Южныя грозы такъ ужасны, что, кажется, ничего живого не уцѣлѣетъ предъ сыпящимися молніями, предъ потоками воды съ неба. А, глядишь, по утру солнце свѣтитъ еще ярче, земля дышетъ зноемъ, испаряя свѣжую влагу, и опять природа блещетъ яркими красками. Только хохлы сосѣднихъ деревень стоятъ хмурыми и чешутъ затылки: страшнымъ градомъ побилло ихъ поля, огороды и сады.

Осень въ Малороссіи, когда поля убраны, а въ садахъ деревья облѣплены плодами, долгая, сухая и ясная. Это съ востока вѣетъ сухой вѣтеръ. Степь, погорѣвшая въ іюлѣ, вновь оживаетъ на время отъ изрѣдка выпадающихъ дождей, отъ ночныхъ росъ, и переживаетъ вторую весну. Только цвѣты теперь на

ней другіе, и нѣтъ того мглистаго медоваго воздуха, который виситъ надъ нею весной. Все разноцвѣтно, ярко и отчетливо. Вереницы птицъ тянутся къ югу, опускаясь на землю, въ чащу камышей, на колючее жнитво или опустошенныя бахчи, лишь для того, чтобы покормиться, отдохнуть и снова мчаться на югъ, ускользая отъ холода надвигающейся зимы.

Полевая работа на черноземѣ въ степи Полтавской губерніи.

Слѣпой лирникъ возлѣ хаты.

ГЛАВА II.

Историческое прошлое Малороссіи до возстанія Хмельничаго.

Солнце клонится къ закату. Длинныя тѣни легли поперекъ гребли и ползутъ черезъ плетень на луга. Еще немного времени, и быстро начнутся сумерки, падеть на землю ночь. Народъ уже вернулся съ полей,—вонъ у хаты видна пестрая толпа. Она не шумить, не движется, а словно замерла, какъ будто слушая кого-то. Жінки подперли ладонями щеки, а старые чоловікі, какъ кто сталъ или сѣлъ, такъ и остался въ

грустной позѣ задумчивости. Посреди толпы свободное пространство, тамъ сидитъ и поетъ ветхій слѣпецъ, помогая своему дребезжающему голосу не менѣе дребезжащими звуками, извлекаемыми изъ старой бандуры. Онъ поетъ „думу“ о двухъ братьяхъ, которые бѣжали изъ Азова, изъ злой турецкой неволи. Когда это было? И было ли это? Да не все ли равно? Старый человѣкъ поетъ про старое время... А вѣдь было же старое время, было, что козаки запорожцы бились съ ляхами, бились съ крымцами и турками. А еще раньше, что было, дѣдъ? А еще раньше татары приходили, Кіевъ разорили, а до того, кто знаетъ, что было. Было, да былѣемъ поросло. Много сотенъ лѣтъ выростала весной трава въ степи, затянула она всю степь, накрыла курганы и овраги, и глубоко зарылись въ ней шлемы и каленныя стрѣлы печенѣжскія, половецкія, косточки козацкія. Но осталась смутная память о томъ времени въ людяхъ. Работаютъ они цѣлыми днями, ночью спятъ, въ бессонницу о своихъ дѣлахъ думаютъ, объ урожаѣ, о податяхъ... а придетъ въ деревню старикъ-кобзарь, забредетъ лирникъ съ пѣснями-думами, и вспомнится каждому смутно, что было же время, были предки, и лилась кровь черезъ всю Украину за волю хлопскую и козацкую. Если бѣ вышла изъ земли вся та кровь, что пролилась на Украинѣ, зеленая степь заалѣла бы пуще того, чѣмъ въ то время, когла по ней зацвѣтають красные маки и стелются яркими пятнами и полосами вдаль. Было время!

Немного мы знаемъ о томъ времени, но что узнали, того довольно, чтобы понять, за что лилась кровь, и почему теперь еще тяжелѣй дышать, чѣмъ въ старину, когда хлопъ бѣжалъ за пороги и вострилъ кривую саблю, когда батько въ красномъ жупанѣ выѣзжалъ

передъ козацкіе ряды и зычно кричалъ: За віру! За віру!

Никогда не было, чтобы долго хорошо жилось людямъ на Украинѣ. Развѣ въ ту далекую эпоху, когда не было желѣза. Но, скажете вы, въ то время и людей не было. Нѣтъ, были люди. Люди копошились тутъ еще тогда, когда и степи съ ея черноземомъ не было, когда было холодно, какъ въ шведской землѣ, и въ лѣсу еще бродилъ большой звѣрь мамонтъ. Уже въ то время по обѣ стороны Днѣпра жили люди, отъ которыхъ остались каменные топоры, какіе нѣтъ, нѣтъ, и выловить рыбака съ тью изъ рѣки, или пахарь зацѣпить краемъ плуга. Послѣ этихъ людей жили другіе, которые имѣли бронзовое и желѣзное оружіе, сожигали своихъ мертвецовъ и возводили въ степи курганы. Скифы или Сарматы, такъ называли степныхъ обитателей Южной Руси до II-го вѣка по Р. Хр., жили въ ней въ греческія времена, а потомъ пришли и смѣнили ихъ готы. Должно быть, около этого времени стали выселяться сюда изъ-за Карпатъ славяне. Они появлялись съ сѣверо-запада. Изъ страны лѣсовъ славяне выходили на поля, т. е. въ степь, а съ другого конца, съ востока, на ту же степь выходили дикіе азіаты. Не устояли готы передъ ними, только горсть ихъ уцѣлѣла въ глубинѣ Крымскихъ горъ; въ степи поселились кочевые хищники, а по берегамъ Днѣпра построились славянскія селенія. Уличи и тиверцы по Бугу, воляняне, поляне на среднемъ Днѣпрѣ, дреговичи и древляне въ болотистыхъ лѣсахъ Припяти, сѣверяне въ Черниговской землѣ — вотъ первые славянскіе насельники Южной Руси. Кто не знаетъ, какъ стоялъ Кіевъ на горѣ надъ Днѣпромъ, какъ мимо плыли Аскольдъ и Диръ, какъ Олегъ коварно овла-

дѣль „матерью городовъ русскихъ“? Всѣмъ извѣстны алчность Игоря, месть Ольги, подвиги Святослава, и какъ Владимиръ, свирѣпо избивъ братьевъ, княжилъ, потомъ крестился самъ и кіевлянъ крестилъ. Хоть и шибко спорили его потомки, удѣльные князья, за вотчины свои, за кіевскій великокняжескій столъ, но не было тогда хлоповъ и пановъ. Всякій былъ воленъ, только неоплатныхъ должниковъ и плѣнныхъ зачисляли въ рабы. Всякій выходилъ на вѣче, и не правился ему князь за вздорный нравъ, за алчныхъ тіуновъ своихъ, да за великій страхъ передъ половцами, то кланялись ему, а къ себѣ просили другого князя. Плохо было жить только изъ-за степныхъ сосѣдей. Они приходили нежданно, какъ снѣгъ на голову, жгли селенія, избивали всѣхъ, кто оказывалъ сопротивленіе, и цѣлыми толпами увлекали за своими косматыми, нагруженными добычей конями женъ, дѣтей и полоненныхъ взрослыхъ въ свои улусы, чтобы перепродать ихъ въ качествѣ рабовъ на восточные рынки. Съ цѣлью наказать и унять ихъ, ополченія княжескія ходили въ степь, гонялись за хищниками. „Да поймашь ли вѣтеръ въ полѣ“? По границѣ строили тогда городки, ставили сторожевыя заставы, охраняли броды на рѣкахъ, а случалось, что сами кочевники, которыхъ выгнали изъ степи другіе родичи ихъ, приходили просить защиты. Тогда князья селили ихъ на границѣ и наказывали беречь ее. Такъ на окраинѣ Кіевской земли поселились торки, берендеи и разные другіе степняки. Часто среди малороссовъ можно встрѣтить совсѣмъ не славянскія лица, а такія, которыя невольно напоминаютъ татаръ. Сколько азіатской крови примѣшалось уже тогда къ южнорусскому народу. Можетъ быть, и каріе очи и черныя брови пошли отъ нихъ, потому

что славянамъ свойственны собственно не каріе очи, о которыхъ поется во всѣхъ малорусскихъ пѣсняхъ, а сѣрые, какіе часто вмѣстѣ съ русыми волосами встрѣчаются въ Черниговской и въ другихъ губерніяхъ сѣверной Малороссіи.

Сколько еще времени прожила бы самобытно южная Русь, не обращая вниманія на споры и войны удѣльныхъ князей, неизвѣстно. Неизвѣстно также, что случилось бы, еслибы Кіевъ остался прежнимъ люднымъ городомъ, какъ многіе другіе города кругомъ его. Можетъ быть, кромѣ Польши, Литвы и Москвы еще однимъ могучимъ государствомъ было-бы больше на землѣ, и Русь въ концѣ концовъ собралась бы вокругъ Кіева, а не вокругъ Москвы. Но на бѣду изъ Азіи пришли татары. Князья при вторичномъ появленіи ихъ въ страхъ побѣжали спасаться къ родичамъ своимъ, кто въ Галичину, кто въ Польшу и въ Чехію. Но народу некуда было дѣваться. Люди запирались въ городахъ, которые одинъ за другимъ брались татарами, пока очередь не дошла до Кіева. Не устоялъ и Кіевъ. И какъ было устоять. Отъ рева верблюдовъ и скрипа немазаныхъ татарскихъ телѣгъ нельзя было слышать голоса человѣческаго на улицахъ. Князь убѣжалъ, ратные люди растерялись, и какъ ни храбро бились въ отчаяніи горожане, но противъ несмѣтной силы устоять не могли. Говорятъ, когда татары отхлынули назадъ въ степь послѣ погрома южной Руси, веселая страна полянъ и сѣверянъ опустѣла. Кто спасся бѣгствомъ, кто погибъ подъ дымящимися развалинами своего дома, кого увели съ женой и дѣтьми въ неволю. Страна опустѣла до того, что когда итальянскій путешественникъ, монахъ Плато-Карпини, проѣзжалъ вскорѣ послѣ погрома этими мѣстами, то онъ видѣлъ

одни пустыри, усѣянные бѣлѣющими костями, чернымъ углемъ пожарищъ, заросшіе уже степнымъ бурьяномъ. Людей почти не было видно. Гдѣ жили тысячи и десятки тысячъ, тамъ робко копошились отдѣльныя семьи запуганныхъ, обездоленныхъ людей. Татары остались кочевать въ степи неподалеку, и ни у кого не хватало смѣлости и охоты вернуться на мѣста, гдѣ, какъ встарь при половцахъ, ежечасно можно было ждать набѣга, не имѣя надежды найти защиту въ городѣ или у князя. Татарскій погромъ нанесъ страшный ударъ Южной Руси.

До татарскаго погрома главнымъ центромъ русской земли оставался все-таки Кіевъ. Всѣ главныя событія древне-русской исторіи разворачивались вокругъ него, и только въ послѣднюю эпоху усобицы удѣльныхъ князей стала усиливаться та часть Руси, центромъ которой послѣ нашествія татаръ сдѣлался сперва Владимиръ, потомъ Москва. Московскіе князья очень скоро поладили съ татарами и начали при ихъ помощи „сбирать русскую землю“, иными словами, отбирать, опираясь на татаръ, у другихъ князей ихъ владѣнія, а подданныхъ своихъ отягощали налогами, которыми обогащали свою казну.

Такимъ образомъ татарское нашествіе, разорило всю Русь; послѣ него Южная Русь не оправилась, пока не вошла въ составъ Литовскаго княжества, между тѣмъ какъ московскимъ князьямъ татары оказали существенную помощь для основанія большого деспотическаго государства.

Можетъ быть, мѣста, гдѣ жили предки, и разворачивались первыя славныя страницы русской исторіи, еще долго оставались бы пустынными, если бы на сѣверѣ не усилились литовскіе князья. Недавніе дикари,

родичи ятвяговъ, которыхъ покорилъ Владимиръ Св., литовцы быстро образовали сильную державу. Не мало помогло имъ сбросить дикость сосѣдство болѣе культурныхъ поляковъ, и нѣмцевъ-крестоносцевъ, съ которыми они вели какъ торговыя сношенія, такъ и жестокую борьбу. А еще болѣе того помогло Литовской державѣ то, что всѣ исконно-русскія области вошли въ составъ литовскаго государства. Русскихъ въ предѣлахъ Литовскаго княжества было такъ много, что первые князья литовскіе принимали православіе и говорили нерѣдко по-русски. Могучіе литовскіе князья-богатыри—Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ взяли подъ свое покровительство южную Россію. Не то, чтобы они чувствовали жалость къ ней. Имъ просто было выгодно включить въ свои предѣлы плодородныя земли съ городами, въ которыхъ подъ ихъ охраной опять накопился народъ. И вотъ опять засіяли надъ Днѣпромъ маковки отстроенныхъ послѣ погрома кіевскихъ церквей. Опять народъ потянулся на поля, гдѣ земля плодородна и воздухъ жарокъ, гдѣ жили предки. Потянулся тѣмъ охотнѣе, несмотря на опасное сосѣдство татаръ, успѣвшихъ уже образовать Крымское ханство, что вездѣ въ безопасныхъ мѣстахъ жить стало хуже. Уже теперь было не то, что въ старину. Тогда князь уговаривался съ вѣчемъ, дружину свою содержалъ изъ своей казны, а пустовала казна, то князь шелъ воевать противъ враговъ русской земли, чтобы отнятой добычей насытить алчность своихъ воиновъ. Теперь по всей землѣ завелось неравенство. Люди разобрали землю, одинъ правдами и неправдами захватывалъ больше, другой меньше. Князь литовскій, какъ и короли польскій, нѣмецкій и разные другіе, требовали ополченія для борьбы съ сосѣдями. Къ нимъ должны были выходить хорошо вооруженные

конные воины, а чтобы коня содержать и доспѣхи купить, люди требовали льготъ отъ князя. „Дай земли, чтобы кормиться, не собирай съ насъ, какъ съ прочихъ, податей, тогда можемъ на войну ходить съ тобой, а иначе, какъ тронемся? Все хозяйство разоримъ“. И князь жаловалъ близкимъ и любимцамъ земли изъ пустыхъ или завоеванныхъ областей, давалъ свободу отъ податей и разныя льготы, такъ что въ Литвѣ и Южной Руси народъ раздѣлился на бѣдныхъ хлѣбопашцевъ, городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, и богатыхъ помѣстьями дворянъ, которые сами не работали, а только на войну ходили, да и то лѣнливо.

Высшій классъ, для котораго война была исконнымъ дѣломъ, понемногу сталъ естественнымъ посредникомъ между государемъ и народомъ. Великій князь, какъ представитель государства, жаловалъ тому или иному знатному лицу „службу“, т. е. „дворище“ (село), округъ „до живота“ (пожизненно) или „до двухъ животовъ“ или, наконецъ, „вѣчно.“ Кромѣ личной военной службы жалуемый обязывался выставлять на войну определенное число коней, стрѣльцовъ, вообще снаряженныхъ воиновъ, смотря по величинѣ владѣнія. Вступая въ распоряженіе „имѣніемъ“, жалуемый получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ право на „кормъ“ и иныя „пошлины“ со стороны населенія, которыя иначе поступали въ государственную казну на дѣла управленія. Такимъ то образомъ постепенно вмѣсто порядковъ удѣльно-вѣчевой эпохи наступили такіе, при которыхъ появилось много крупныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ уже какія то права на землю. Эти владѣльцы вначалѣ не могли считаться собственниками земли. Но они были нужны государству и исполняли разныя возложенныя на нихъ обязанности, поэтому естественно случилось, что они забира-

ли себѣ все больше и больше власти, которая раньше принадлежала вѣчу, а потомъ, послѣ татарскаго погрома, перешла къ великому князю литовскому. Такимъ образомъ временные владѣльцы, управляющіе, превращались въ вѣчныхъ и присваивали себѣ новыя права, какъ напр., право собирать въ свою пользу налоги и творить судъ. Понемногу простому люду стало плохо житься, особенно когда литовское государство соединилось съ польскимъ. Тогда литовскіе и даже русскіе бояре потянулись за польскими панами. Въ Польшѣ, какъ вездѣ въ западной Европѣ, быстро возникли сословія, и среди нихъ пышнымъ цвѣтомъ распустилось дворянство. Представьте себѣ тѣ времена. Тонкія вина, богатая одежда, небывалое убранство комнатъ въ домѣ, разныя манеры, какими люди блистали при дворѣ, на балахъ и при другихъ случаяхъ для веселья—все это выдумывалось гдѣ то въ другихъ странахъ и раньше появлялось въ Польшѣ. Удивительно ли, если польскіе паны и шляхтичи сторонились и презирали тѣхъ литвиновъ, которые, хотя и обладали большими помѣстьями, но держались еще простыхъ дѣдовскихъ обычаевъ. Или если они не хотѣли общаться съ родовитыми русскими князьями, потому что тѣ держались православія и въ отношеніи обычаевъ стояли недостаточно высоко. Первое время, какъ установилось неравенство въ земельномъ владѣніи, были въ Кіевской сторонѣ русскіе бѣдные и русскіе богатые, русскіе простые и русскіе знатные. Уже массамъ народнымъ приходилось работать на знатныхъ, которые по заслугамъ предковъ, собственными пройсками или игрой счастья пріобрѣтали земли съ обитавшими на нихъ пахарями, хотя еще свободными, а не крѣпостными, но уже обязанными отдавать часть собираемыхъ плодовъ помѣщику за защиту и

хлопоты его объ ихъ нуждахъ. Но все-таки какъ богатые и знатные, такъ и послѣдніе бѣдняки говорили по русски и были одной православной вѣры. Кто, однако, устоитъ противъ соблазна новизны, особенно если наградою является ласка и милость высокихъ покровителей! Между людьми, которые хотя и говорятъ на разныхъ языкахъ, исповѣдуютъ разныя вѣры, но имѣютъ сходныя привычки и взгляды на жизнь и живутъ сходно, всегда больше единенія, больше общихъ, связывающихъ ихъ интересовъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ихъ раздѣляетъ богатство. И южно-русское помѣстное дворянство быстро ополячилось. Какъ ни крѣпились разные князья, изъ которыхъ иные были потомки самого Владимира св., но слишкомъ соблазнительно было для нихъ пріобщиться вольностямъ, нравамъ и веселью польской знати. Легко ли сидѣть у себя въ глуши, соблюдая вѣрность дѣдовскимъ обычаямъ и вѣрѣ, и знать, что тамъ, въ Варшавѣ или въ Гроднѣ, все носится въ вихрѣ удовольствій въ пышныхъ чертогахъ самого короля.

Такимъ образомъ, когда Южная Русь, какъ часть Литвы, окончательно вошла въ составъ польскаго государства, протянувшася „отъ моря и до моря“, *) то въ ней населеніе оказалось состоящимъ изъ такихъ же „пановъ“ и „хлоповъ“, какъ въ Польшѣ и Литвѣ. И панамъ становилось жить все лучше, а хлопамъ все хуже.

Паны въ Польшѣ и Литвѣ взяли такую силу, что самого короля въ грошъ не ставили. Чего имъ было бояться короля, если они сами выбирали его, если король ничего важнаго не могъ предпринять безъ со-

*) т. е. отъ Чернаго моря до Балтійскаго.

гласія сейма, т. е. вѣча, которое теперь собиралось не изъ всѣхъ людей, а только изъ пановъ. И вотъ паны благоденствовали въ Польшѣ. Сперва великіе князья литовскіе и короли польскіе раздавали помѣстья заслужившимъ у нихъ людямъ на время; такое великое дѣло, какъ судъ, справлялся самимъ населеніемъ или королевскими чиновниками. Но постепенно паны присвоили это право себѣ, удержали за собой на вѣчныя времена земли, а хлѣбопашцевъ, которымъ эти земли раньше принадлежали, обязали вначалѣ не съѣзжать съ земли и платить имъ подати, а потомъ совсѣмъ лишили ихъ воли, превративъ въ крѣпостныхъ, обремененныхъ жестокой барщиной,

Польскимъ, литовскимъ и бѣлорусскимъ мужикамъ некуда было дѣваться отъ этой неволи. Во всѣхъ государствахъ кругомъ дѣлалось то же самое, вездѣ знатные присвоивали себѣ земли, чтобы стать богаче, а народъ превращался въ крѣпостныхъ. Паны же составляли крѣпкій союзъ, имѣли деньги, оружіе, наемныхъ солдатъ, такъ что въ случаѣ, если гдѣ-нибудь обремененный тяготами народъ подымался, чтобы стряхнуть иго, они немедленно собирались и усмиряли возстаніе самыми жестокими мѣрами. Однако такіе порядки воцарились не вездѣ. На Украинѣ жилось все-таки легче. Не даромъ ее звали „украиной, окраиной“. Земли, которыя тянулись по среднему Днѣпру съ запада на востокъ, дѣйствительно, составляли окраину Польскаго государства. Дальше простиралась до самого Чернаго и даже до Каспійскаго моря безлюдная степь, черезъ которую чуть не каждую весну и лѣто переходили крымскіе татары, чтобы пограбить московскія или польскія владѣнія. Край бытъ необыкновенно плодородный, но жить въ немъ можно было только съ опаской. Земле-

пашецъ выходилъ въ поле пахать съ ружьемъ, а если на сторожевыхъ курганахъ, гдѣ дозорила стража, завьются дымки, это значитъ—бѣги домой, забирай женъ, дѣтей, все цѣнное и спасайся въ камыши, въ болото или въ другіе закоулки: татары идутъ! Зато жить въ этихъ мѣстахъ было привольно—не было пановъ. Всякій забиралъ земли, сколько могъ обработать. Понятно, что въ эти благодатныя мѣста убѣгало много народа изъ закрѣпощенныхъ областей. Понемногу край сталъ заселяться. Тогда и паны явились. Не имѣя другихъ земель, короли стали раздавать новымъ панамъ эти пусто-порожня земли. Паны брали ихъ, а чтобы привлечь людей, которые обрабатывали бы землю, объявляли всякія льготы. Но и это имъ мало помогало.

Польскій или русскій панъ, получившій отъ короля „маетность“ въ Украинской землѣ, вначалѣ представлялъ совсѣмъ не то, чѣмъ такой панъ былъ у себя въ Польшѣ. Здѣсь люди совсѣмъ не признавали его правъ на землю и ничего ему не платили. Паны, которые строили замки и давали защиту отъ татаръ, привлекали этимъ поселенцевъ на свою землю, даже сманивали ихъ отъ другихъ владѣльцевъ. Многіе уходили отъ власти родительской, отъ работы, неволи, каръ, долговъ и другихъ непріятностей или просто искали болѣе выгоднаго заработка и лучшаго мѣста. Познакомившись со всею сладостью жизни въ „низовыхъ мѣстахъ“ (т. е. на Украинѣ), они уже не возвращались назадъ. Благодаря условіямъ промысловой и опасной жизни эти поселенцы превращались въ хорошихъ воиновъ. Сколько разъ татары ни „вынимали“ Украины, а люди все шли туда, и поселенія ихъ выдвигались въ степь дальше и дальше. Какъ ни плохи были украинскіе замки, все-таки они вмѣстѣ съ рас-

полагавшимися кругомъ ихъ городами за каменными стѣнами укрывали окрестное населеніе во время татарскихъ набѣговъ и не позволяли шайкамъ ихъ проникать дальше въ Польшу. Украина загоразживала Польшу и принимала на свою грудь главные удары. Понятно, что Польское государство усиленно раздавало здѣшнія земли въ надеждѣ, что владѣльцы ради собственныхъ выгодъ позаботятся о лучшей оборонѣ страны. Но на украинской почвѣ, благодаря инымъ условіямъ жизни, отношенія между появлявшимися панами и мѣстнымъ народомъ складывались иначе, чѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ. Здѣсь „хлопы“ не соглашались работать на пана больше 3-хъ дней въ году или давать ему вза-мѣнъ того больше 6 грошей. Паны, не имѣя съ чего имъ прокормиться и одѣться, довольствовались этой скудной данью, потому что всякое посягательство на притѣсненія приводило бы только къ тому, что народъ пустился бы въ бѣга, ибо всякій тамъ „добре зналъ дорогу, которою утекать“. Степь была подъ бокомъ.

Расположившись на житье въ опасной отъ татарь странѣ, южнорусскій народъ самъ долженъ былъ защищать себя. Государство Польское не давало ему защиты. Обороняясь отъ хищниковъ, люди привыкали къ оружію, привыкали соединяться для защиты и нападенія въ военные союзы, или братства, въ разные „купы“, „роты“, „бурсы“, съ выборнымъ атаманомъ и другими должностными лицами, съ общей казной, со складомъ оружія и сборными мѣстами, куда надо было являться при наступленіи опасности. Члены такихъ братствъ назывались разными именами, пока для всѣхъ ихъ, въ концѣ концовъ, не установилось одно общее названіе — козаки. Защищаась вначалѣ отъ татарь, малорусскіе козаки вскорѣ стали сами нападать на

нихъ. Многіе жители Украины, не довольствуясь занятіями дома, уходили промыслять на „Низъ“, т. е. за Днѣпровскіе пороги. Тамъ издавна, чуть не всегда, существовали рыболовныя артели. Теперь въ виду опасности отъ татаръ артели эти естественно вооружались, когда отправлялись на промысель. Случалось людямъ оставаться „за порогами“ и на зиму, а многіе и совсѣмъ не могли возвращаться домой, потому что натворили тамъ бѣдъ и должны были скрываться. Такимъ образомъ „за порогами“, среди привольныхъ плавней, на островкахъ возникли летучія селенія, состоявшія вначалѣ изъ шалашей, покрытыхъ для защиты отъ дождя конскими шкурами. Сюда, на эти вольные промыслы естественно уходилъ беспокойный, любящій просторъ и волю народъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти шайки вооруженныхъ предприимчивыхъ людей вскорѣ научились дѣлать набѣги на татаръ, на турецкія владѣнія, тѣмъ болѣе, что такое дѣло, кромѣ добычи славы и веселія, представлялось также благочестивымъ. Получая съ Украины порохъ, оружіе, съѣстные припасы и сплавляемые по Днѣпру „липы“, т. е. древесные стволы, изъ которыхъ дѣлались чайки, „запорожцы“, какъ стали называть этихъ козаковъ, чувствовали себя въ „Сѣчи“ прекрасно среди лабиринта рѣчныхъ протоковъ, острововъ и цѣлаго моря камышей, гдѣ до нихъ трудно было добраться хоть какому врагу.

Польша была государство католическое. Литовцы, которые вначалѣ оказывали больше предпочтенія православной вѣрѣ, также приняли католицизмъ, послѣ того какъ по латинскому обряду крестился ихъ великій князь Ягайло, выбранный, благодаря этому, въ польскіе короли. Какъ ни многочисленно было русское населеніе Литовскаго княжества, но оно не могло тягаться съ

Запорожець въ обычномъ нарядѣ.

поляками культурными успѣхами. Это и понятно. Польша была ближе къ западной Европѣ, откуда притекало просвѣщеніе, Польша раньше цивилизовалась, и тѣ порядки, которые завело у себя польское высшее сословіе, представлялись, конечно, очень заманчивыми и для литовской и для русской знати. Естественно, что Польша и все польское являлось какъ бы образцомъ, которому старались подражать. Этимъ объясняется и быстрое распространеніе католицизма среди литовскаго и южнорусскаго дворянства. Общая религія еще болѣе сближала этихъ людей, у которыхъ, какъ у владѣльцевъ крупныхъ имѣній, и безъ того было много общихъ интересовъ. Принятіе католицизма уравнивало литовскихъ и русскихъ магнатовъ (вельможъ) съ польскими и давало имъ основаніе требовать себѣ такихъ же правъ, какими пользовались и тѣ.

Но простому народу, которому переменна вѣры не приносила никакой выгоды, не было никакого дѣла до католицизма. Такимъ образомъ „хлопы“ оставались православными, въ то время, какъ южнорусскіе паны одинъ за другимъ переходили въ католицизмъ. Различіе въ вѣрѣ было высшему сословію очень неудобно. Вѣра оказываетъ сильное дѣйствіе на людей. Панъ, въ замкѣ, расположенномъ среди обширныхъ его владѣній, въ которыхъ тысячи людей подчинены ему, чувствуетъ себя лучше, когда онъ одной вѣры съ своими подданными. Но представьте себѣ положеніе, когда подданные, отягощаемые все болѣе и болѣе тяготами, которыхъ постепенно шагъ за шагомъ превращаютъ изъ вольныхъ людей въ крѣпостныхъ, исповѣдуютъ другую религію, чѣмъ угнетающее ихъ сословіе. Они находятъ въ своей „хлопской вѣрѣ“ только новую опору для отстаиванія своихъ правъ, и панъ, къ которому они и безъ того

не могли чувствовать расположенія, превращается въ ихъ глазахъ въ еретика. Вотъ чѣмъ объясняются усилія, употреблявшіяся Польшей и ополяченными южно-русскими панами, съ какими они старались ввести католицизмъ и въ Южной или въ Малой Руси, какъ ее начали называть вскорѣ. Такъ какъ народъ, сельскій или городской, упорно держался прежней вѣры и ввести католицизмъ сразу, какъ въ Литвѣ, оказалось невозможнымъ, то придумали „унію“, т. е. такое вѣроисповѣданіе, которое съ одной стороны походило на православіе, съ другой — на католицизмъ. Но и унія, которая очень распространилась въ Бѣлоруссіи, почти совсѣмъ не привилась въ Малороссіи и опять-таки по прежней причинѣ. Бѣлорусскій народъ оказался вскорѣ вполне закрѣпощеннымъ и потому легко перемѣнилъ вѣру по приказу своихъ пановъ, между тѣмъ какъ въ Малороссіи, несмотря на захваты земли, превращеніе хлоповъ въ крѣпостныхъ подвигалось впередъ на первыхъ порахъ очень туго. Хлопы убѣгали на новыя земли и превращались тамъ въ вольныхъ козаковъ. Итакъ въ споръ, происходившій между малорусскимъ престономъ и высшимъ сословіемъ изъ-за земли и вольности, замѣшалось еще новое обстоятельство — унія.

Раньше было уже сказано, что короли въ Польшѣ выбирались сеймомъ, состоявшимъ изъ крупныхъ пановъ и должностныхъ лицъ. Королевская воля была до того урѣзана панскою волею, что короли очень рѣдко могли предпринять что-нибудь крупное и важное, даже если это клонилось на пользу государству. Особенно трудно приходилось польскимъ королямъ въ случаѣ войны. На ихъ обязанности лежало защищать королевство, но сколько разъ случалось, что паны со своими

отрядами собирались на помощь королевскому войску туго, такъ что врагъ успѣвалъ проникать далеко въ страну. А враговъ у Польши было много; она была окружена ими. Турки, татары, рыцари-меченосцы, шведы, московскіе князья, нѣмцы сосѣдили съ Польшей кругомъ. То и дѣло приходилось воевать. Встрѣчая мало поддержки отъ пановъ, короли польскіе естественно обратили вниманіе на козаковъ, особенно послѣ того, какъ козаки въ качествѣ ополченія стали принимать участіе почти во всѣхъ войнахъ, сражаясь рядомъ съ польскими войсками. Воинами они оказались превосходными. Не разъ случалось, что участь не только сраженій, но самыхъ войнъ разрѣшалась благопріятно для Польши благодаря храбрости козаковъ. Но козаки представляли не только свободное, по собственнымъ порядкамъ устроенное войско, но войско своевольное, которое постоянно доставляло Польшѣ хлопоты. Въ козаки могъ попасть всякій, такъ что ряды войска, особенно запорожскаго, пополнялись многими бѣглыми хлопами, и потомъ ихъ невозможно было оттуда извлечь. Козачество и тѣсно связанное съ нимъ Запорожье являлось такимъ образомъ убѣжищемъ, укрыться въ которомъ могъ разсчитывать всякій. Своеволие козаковъ проявлялось въ томъ, что они совершенно не считались съ верховной властью польскаго государства. Они заключали договоры съ московскими царями объ охранѣ ихъ границъ, гетманъ ихъ велъ переговоры съ нѣмецкимъ императоромъ, точно самостоятельный властелинъ; главное же безпокойство, которое Польша ощущала отъ козаковъ, заключалось въ томъ, что они выходили въ море и грабили турецкое побережье, а это грозило со стороны раздраженной Турціи постоянной войной. Козаки не довольствовались тѣмъ, что, подобно древнимъ руссамъ,

Гетманъ времянь Богдана Хмельницкаго въ полномъ парадѣ и съ булавой. Знаки гетманской власти: бунчукъ, булава и пр. назывались „клейноты“.

въ своихъ чайкахъ достигали Константинополя, жгли и грабили окрестныя села, такъ что султаны изъ своихъ дворцовъ могли видѣть зарево пожаровъ. Они переплывали Черное море, захватывали прибрежные города Малой Азіи и предавали страну страшному опустошенію. Въ 1613 г. козаки разграбили богатый Синопъ, черезъ три года той же участи подвергся Трапезундъ, а затѣмъ Кафа въ Крыму, гдѣ они освободили множество христіанскихъ невольниковъ. Эти козацкіе подвиги, о которыхъ на Украинѣ складывались цѣлыя легенды, естественно приводили въ смущеніе всю Польшу; ни короли, ни разные правители, завѣдывавшіе управленіемъ Малороссіи, никакими мѣрами не могли унять козаковъ. Еще польскій король Стефанъ Баторій, съ цѣлью обуздать ихъ и превратить въ полезную польскому государству силу, придумалъ ограничить число козаковъ опредѣленнымъ числомъ занесенныхъ въ реестры, т. е. въ списки. Эти реестровые какъ бы „законные“ козаки получили внутреннее устройство, въ ихъ распоряженіе былъ отданъ Трахтемировскій замокъ, чтобы онъ служилъ для войска мѣстомъ сборищъ и арсеналомъ; каждому козаку выдавалось жалованье отъ короля, сукно на кафтанъ — словомъ, они считались служилыми людьми. вмѣстѣ съ тѣмъ козаки, записанные въ реестръ, пользовались „козацкими вольностями“, которыя заключались въ личной свободѣ, въ правѣ судиться своимъ войсковымъ судомъ и въ правѣ свободно заниматься звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а также торговлей, не говоря о правительственномъ жалованіи. Этою мѣрой польскіе короли надѣялись съ одной стороны ограничить число козаковъ, отрѣзавъ вступленіе въ войско множеству людей и проведя такимъ образомъ раздѣльную черту

между козаками и остальнымъ украинскимъ народомъ, съ другой, требуя козаковъ на службу въ собственномъ войскѣ, они рассчитывали отвлечь ихъ отъ хожденія на „Низъ“ ради набѣговъ на Турцію, Крымъ и Молдавію.

Но мѣры эти, которыя неразъ измѣнялись съ намѣреніемъ урѣзать „вольности“, не привели ни къ чему. Хотя привилегированное положеніе козаковъ должно было выдѣлить ихъ изъ среды остального народа, хлоповъ, каждый изъ которыхъ естественно тянулся въ козаки, но на дѣлѣ это далеко не произошло въ такой степени, какъ того ожидали. Точно также число реестровыхъ никакъ нельзя было ограничить 6000; сами короли, когда нуждались въ войскѣ, закрывали глаза на число козаковъ. Когда въ минуту крайности по вызову короля являлось 30—40.000 козаковъ, которые по окончаніи надобности въ нихъ вовсе не желали возвращаться въ хлопское состояніе и, указывая на свои раны, полученныя въ сраженіяхъ за польское государство, энергично отстаивали свои „вольности“, польскому правительству не оставалось ничего другого, какъ прибѣгать къ насилію. Это вызывало недовольство, такъ же какъ и разныя мѣры, препятствовавшія козацкимъ походамъ на невѣрныхъ. Такъ напр. Польша выстроила на Днѣпровскихъ порогахъ крѣпость Кодакъ, чтобы отрѣзать запорожскимъ козакамъ доставку припасовъ, безъ чего Сѣчь не могла существовать.

Помимо постоянныхъ волненій и недовольствъ, вызываемыхъ въ средѣ козаковъ этими мѣрами обузданія, на Украинѣ, что ни годъ становилось неспокойнѣе. По мѣрѣ прочнаго заселенія страны, существованіе въ которой сдѣлалось благодаря козачеству болѣе безопаснымъ, возрастала цѣнность украинскихъ имѣній. Плодородный край давалъ обильные урожаи хлѣба, кото-

рый находилъ хорошій сбытъ въ сосѣдней Германіи. Какъ ни упирались хлопы, про которыхъ вначалѣ справедливо говорили, что каждый изъ нихъ „богатшій и пышнѣйшій нижли панъ“, но въ концѣ концовъ на Украинѣ жизнь начала складываться такъ же, какъ въ остальной Польшѣ, т. е. по минованіи сроковъ, въ теченіе которыхъ хлопы, селившіеся на пожалованныхъ пану пустопорожныхъ земляхъ, пользовались свободой отъ податей и обязательныхъ работъ, они очутились въ горькой крѣпостной зависимости. Разница была только въ томъ противъ польскихъ хлоповъ, что украинскіе хлопы имѣли лазейку въ видѣ козачества и запорожской Сѣчи. Но и эту лазейку къ волѣ передъ ними всѣми силами старались захлопнуть. Но хлопы тѣмъ не менѣе уходили и по выраженію лѣтописца „разложили въ приднѣпровскихъ пустыняхъ огонь, зарево котораго обхватило небо всей Польши.“ Да, огонь ненависти тлѣлъ подъ плохо прикрытой золой, но скоро онъ вырвался на волю и пошелъ гулять по всему простору Украинской земли, забираясь въ самую Польшу. Украинскій народъ не могъ помириться съ закрѣпощеніемъ и не помирился. Освободиться ему помогло свободное козачество и то обстоятельство, что притѣснители его исповѣдывали другую вѣру и зачастую принадлежали къ другой народности. Поэтому борьбу Украины съ Польшей часто изображали, какъ борьбу русской народности съ польской, православной вѣры съ католицизмомъ. Но это невѣрно. Смертный бой съ рѣками крови цѣлымъ моремъ пожарищъ возгорѣлся вскорѣ не между Польшей и Украиной, какъ двумя разными странами, а между двумя частями населенія, составлявшими одну страну. Польское государство являлось олицетвореніемъ той силы, которая къ тому

времени во всѣхъ странахъ уже успѣла раздавить народныя вольности, отнявъ у народа землю и превративъ его въ раба. Это была сила высшихъ сословій, захватившихъ въ свои руки вмѣстѣ съ богатствомъ землю и всѣ виды власти—свѣтской и духовной. Украина же являлась олицетвореніемъ возставшаго за вольности и за землю народа; благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, народъ нашель въ себѣ силу, если не раздавить врага, то погибнуть въ борьбѣ, нанеся противнику страшную, смертельную рану. Польша и Украина, аристократія и народъ, „сплетаясь какъ пара змѣй, обнявшись крѣпче двухъ друзей“, задушили другъ друга въ смертельномъ объятіи.

Этому ужасному возстанію, „руинѣ“, какъ его прозвали поляки, предшествовалъ цѣлый рядъ мятежей, которые были подобны предостерегающимъ колебаніямъ земли въ окрестности вулкана передъ его взрывомъ и катастрофой изверженія. Въ каждомъ возстаніи или войнѣ главную роль играли козаки, особенно запорожскіе, къ которымъ, едва они появлялись на Украинѣ, присоединялись толпы хлоповъ. Каждый разъ польскому правительству удавалось или подавить возстаніе побѣдами и слѣдовавшими за ними жестокими мѣрами, или заставить козаковъ подчиниться путемъ переговоровъ, причемъ съ каждымъ успѣхомъ поляковъ казацкія вольности урѣзывались. И если вначалѣ въ своихъ увѣщательныхъ грамотахъ польскіе гетманы обращались къ козакамъ, „какъ люди рыцарскіе къ такимъ же рыцарскимъ людямъ“, то подъ конецъ, подъ вліяніемъ успѣховъ и раздраженія, вызываемаго повтореніями возстаній, поляки стали разсматривать козаковъ не въ качествѣ рыцарскихъ людей, а считали ихъ просто грубыми хлопами, съ которыми

нечего церемониться. Такъ, начиная съ конца XVI и все начало XVII в., происходили бунты, связанные съ именами Косинскаго, Наливайки, Павлюка, Сулимы, Острина. Какъ ни храбро бились козаки и хлопы съ ляхами за землю, за вольности, за вѣру православную, не справиться съ громаднымъ и сильнымъ польскимъ государствомъ они собственными силами не могли, и къ 1637-8 г. сила сопротивленія Украинскаго народа, казалось была сломлена. Въ козацкомъ званіи остались записанными всего 6000 ч., но изъ старыхъ правъ и вольностей у этихъ шести тысячъ не оставалось почти уже ничего; ихъ превратили въ пограничную стражу противъ татаръ и отдали въ полное распоряженіе польскаго короннаго гетмана, раздѣливъ на шесть полковъ. За козаками признавалась земельная собственность „на вѣчномъ и наслѣдственномъ“, т. е. на шляхетскомъ правѣ. а вся остальная, невошедшая въ реестры масса теперь уже неминуюемо должна была обратиться въ „посполство“, въ народъ, въ мѣщанъ королевскихъ городовъ или въ панскихъ подданныхъ.

„Плотина перехватила русло старой вольной украинской жизни и остановила ея теченіе“,—пишетъ объ этомъ времени историкъ украинскаго народа. *) Кое какъ началъ дѣйствовать прилаженный на Украинѣ механизмъ того государственнаго и общественнаго строя, который принесла сюда Польша. Но плотина ли оказалась мало устойчивой, сила ли сдерживаемой стихіи слишкомъ великой, только всѣхъ приспособленій, со всей затраченной на нихъ польскимъ государствомъ энергіи, хватило лишь на десять лѣтъ. Все было снесено ужасающей катастрофой 1648 года.

*) А. Ефименко, Исторія Украинскаго народа, вып. II стр. 209.

Богданъ Хмельницкій.

ГЛАВА III.

Историческое прошлое Малороссіи послѣ раздѣленія.

Героємъ „руины“ явился Богданъ Хмельницкій, чигиринскій козацкій сотникъ. Хмельницкій былъ уже не молодъ, когда сталъ во главѣ возстанія. Можетъ быть, онъ никогда не рѣшился бы на него, если бы

рядъ тяжелыхъ обидъ, понесенныхъ имъ отъ мелкаго шляхтича, подстаросты Чаплинскаго, которому покровительствовалъ украинскій магнатъ Конецпольскій, и полная невозможность найти управу даже у самого короля, не выбили Хмельницкаго изъ колеи спокойной жизни. Своеволие польской и украинской шляхты дошло до крайнихъ предѣловъ. Какъ страдали отъ него хлопы, легко себѣ представить, если такой заслуженный, образованный и зажиточный украинецъ, какимъ былъ Хмельницкій, сдѣлался жертвой насилія. Самъ король, которому очень не нравилось и намѣреніямъ котораго мѣшало распущенное польское дворянство, ничего не могъ подѣлать съ нимъ. Говорятъ, на личную жалобу Хмельницкаго король сказалъ ему: „глупецъ, развѣ у тебя нѣтъ сабли“? Хорошо понимая безсиліе собственнаго народа противъ Польши, Хмельницкій основалъ свой планъ на помощи татаръ. Обстоятельства благопріятствовали ему: крымскій ханъ, не получая долгое время „дани“ съ Польши, т. е. подарковъ, былъ очень недоволенъ и легко согласился выпустить татаръ въ союзъ съ запорожцами на Польшу. Такъ какъ поляки вначалѣ не придавали значенія возстанію козаковъ и не собрали достаточныхъ силъ, то Хмельницкій съ татарами легко разбилъ ихъ при урочищѣ Желтыя Воды. За этимъ послѣдовала вторая побѣда козаковъ подъ Корсунемъ. И вотъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль вся Украина поднялась, какъ одинъ человекъ, притомъ въ такой моментъ, когда Польша очутилась безъ войска и безъ короля, который въ это время скончался. Все, что было на Украинѣ шляхетскаго, — владѣльцы замковъ, ихъ кліенты, челядь, сломя голову кинулось спастись отъ потопа, красѣвшаго заревомъ пожаровъ и ручьями

крови, между тѣмъ какъ хлопы или валили толпами въ лагерь Хмельницкаго, или на свой страхъ принялись мстить своимъ притѣснителямъ. Спустя немного недѣль Украина была очищена отъ своихъ враговъ. Всѣ, кто не успѣлъ бѣжать, были немилосердно избиты. За одно съ польской шляхтой хлопы предавали лютой смерти и православную русскую шляхту, которая въ искусствѣ притѣсненія нисколько не уступала полякамъ.

А между тѣмъ Хмельницкій нанесъ полякамъ новое поражение подъ Пилявцами и вступилъ въ предѣлы самой Польши. За Украиной поднялась вся Галицкая Русь, въ исконныхъ польскихъ областяхъ задавленный панствомъ народъ тоже началъ волноваться. Еслибы Хмельницкій пожелалъ, то могъ бы въ этотъ моментъ совершенно уничтожить Польшу. Но эта смѣлая мысль испугала его самого. Ни онъ, ни другіе подобные ему украинцы не представляли себѣ самостоятельнаго южно-русскаго государства, они не хотѣли ни гибели Польши, ни отдѣленія отъ нея Украины, а стремились лишь добиться отъ польскаго королевства признанія за украинскимъ народомъ тѣхъ исконныхъ его правъ на землю, на самоуправленіе и на вѣру, какими народъ пользовался въ прежнія времена. Поэтому Хмельницкій вступилъ съ Польшей въ переговоры. Но пока переговоры вслѣдствіе несговорчивости обѣихъ сторонъ затягивались, борьба продолжалась, и перевѣсъ сталъ вновь клониться на сторону поляковъ, благодаря главнымъ образомъ измѣнѣ татаръ. Хмельницкій долженъ былъ заключить съ королемъ Зборовскій договоръ, по которому только части Украины возвращались права, далеко не всѣ, за которыя поднялся народъ. Главныя преимущества выпали на долю „козаковъ“ какъ сословія, народная же масса опять должна была вернуться

въ свое состояніе съ тѣмъ различіемъ, что на отме-
жеванной въ управленіе гетмана территоріи поляки не
могли занимать должностей. Когда владѣльцы помѣстій
начали возвращаться на пожарища своихъ владѣній и
стали требовать отъ хлоповъ прежнихъ повинностей,
на что имѣли согласно договору право, хлопы и ухомъ
не вели. Имъ не было дѣла до условій гетмана съ
королемъ, они знали только, что сражались подъ зна-
менами гетмана за волю и теперь не имѣли никакой
охоты возвращаться подъ старое ярмо. Хлопы хотѣли
оставаться хлопами только по имени, и не хотѣли пла-
тить никакихъ податей. Возвратившимся панамъ хлопы
предлагали „плугъ волівъ та чотыри мірки солоду,
буде з его, абы не вмеръ з голоду“. Понятно, что не-
доразумѣнія и беспорядки продолжались. Паны требо-
вали содѣйствія утвержденію своихъ правъ отъ гетмана
и козаковъ, обязанныхъ къ тому договоромъ, а гетманъ
и козаки, еслибъ и хотѣли, не могли ничего учинить
съ хлопами. Недоразумѣнія спустя три года кончились
полнымъ разрывомъ, и снова оба врага вышли въ поле
помѣряться силами. Но силы были неравныя. Крым-
скій ханъ уже не былъ прежнимъ вѣрнымъ союзни-
комъ, и подъ Берестечкомъ, гдѣ сошлись оба громад-
ныхъ войска, военное счастье измѣнило козакамъ. По
новому Бѣлоцерковскому договору Украина потеряла
едвали не все, что пріобрѣла страшнымъ конвульсив-
нымъ усиліемъ всего народа. Почти на всемъ простран-
ствѣ ея водворялись старые ненавистные порядки. Но
помириться съ этимъ украинскій народъ не могъ, и
вотъ въ несчастной странѣ въ теченіе долгаго времени
не стихаетъ ужасная борьба и страшное опустошеніе.
То польское войско проходитъ по ней подъ предводи-
тельствомъ жестокаго Чарнецкаго, предавая все огню

и мечу, то идетъ Хмельницкій съ татарами. Здѣсь польскіе помѣщики, пользуясь моментомъ, укрощаютъ хлопвъ, а тамъ хлопы, собравшись съ силами, жгутъ замки, костелы и избиваютъ ненавистныхъ враговъ. Положеніе это не могло длиться долго. Страна, истекая кровью, теряла силы, и не было надежды добиться своего. Въ этомъ положеніи Хмельницкій въ отчаяніи искалъ помощи всюду на сторонѣ. Но кто могъ помочь Украинѣ! Крымскій ханъ былъ вѣроломъ, султанъ турецкій силенъ, но далеко, единовѣрная же Москва съ политической изворотливостью вела переговоры о присоединеніи, и за посулами ея чувствовалась та же неволя, какую Украина переживала подъ властью Польши. Изъ всѣхъ трехъ сосѣдей союзъ съ единовѣрной Москвой представлялся малорусскому народу и его вождямъ наименьшимъ зломъ, и когда, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній московскаго правительства оно послало для переговоровъ съ Хмельницкимъ боярина Бутурлина, то собравшаяся въ 1654 г. въ Переяславлѣ „рада“, т. е. народное вѣче, рѣшило отдать Украину подъ покровительство Москвы. Малорусскій народъ надѣялся сохранить свои „вольности“, т. е. право каждаго жителя на землю, которую онъ обрабатываетъ, и самоуправленіе съ войсковою старшиной и гетманомъ во главѣ, но московскіе самодержцы совершенно не имѣли этого въ виду и вскорѣ уже наложили свою тяжелую руку на эти вольности, главнымъ образомъ, на самоуправленіе. Древнерусскіе, исконные порядки управленія, т. е. вѣче, выборное правительство, какимъ являлся гетманъ съ подчиненными ему чинами войска, съ такой живучестью уцѣлѣвшіе въ умахъ малорусскаго населенія, въ корень противорѣчили самовластью московскихъ царей. Уже на первыхъ порахъ московское правитель-

ство вмѣшалось въ малорусскіе порядки. Такъ, выбираемый народомъ гетманъ долженъ былъ получать утвержденіе отъ царя, а появившіеся во всѣхъ большихъ городахъ царскіе воеводы съ ратными людьми водворились тамъ съ явною цѣлью слѣдить за гетманскимъ управленіемъ и въ нужныхъ случаяхъ вмѣшиваться въ дѣла.

Хотя войны, послѣдовавшія за вмѣшательствомъ Москвы въ малорусскія дѣла, и внутреннія смуты въ самой Украинѣ не прекращались, какъ не прекращались нашествія татаръ и турокъ и борьба съ Польшей, тѣмъ не менѣе въ это время малорусскій народъ, избавившись отъ тяжкаго ига пановъ, быстро оправился отъ перенесеннаго разоренія. Вскорѣ по договорамъ съ Польшей лѣвобережная Украина, въ которую народъ не переставалъ валить на „вольныя земли“ съ правой стороны Днѣпра, вошла въ составъ Московскаго государства, въ то время, какъ правобережная явилась предметомъ раздора между Польшей, Турціей и собственными гетманами. Эти смуты и явились причиной того, что земля пустѣла. Энергичный гетманъ той стороны Петръ Дорошенко сдѣлалъ было попытку отдаться подъ покровительство Турціи, но такъ какъ Турція не могла дать прочной защиты странѣ, и, кромѣ того, подданство басурманской державѣ претило духу народа, то попытка эта окончилась неудачей, и правобережная Украина въ концѣ концовъ вновь очутилась во владѣніи Польши. Съ этого времени судьба обѣихъ половинъ, правобережной или собственно Украины, и лѣвобережной или „Гетманщины“, также называемой Слободской Украиной, по имени слободъ, основанныхъ тамъ переселившимися съ правой стороны козацкими полками, надолго раздѣлилась.

На лѣвой сторонѣ населеніе состояло сплошь изъ переселившихся сюда въ разное время малоруссовъ, лично свободныхъ, не дѣлившихся на сословія, осѣвшихъ на вольныхъ земляхъ, управляющихся собственными властями подъ высшимъ надзоромъ московскаго правительства. И тѣмъ не менѣ здѣсь медленно и постепенно въ новомъ, конечно, видѣ повторяется то же самое, что народъ пережилъ въ предшествовавшія столѣтія. Понемногу вся масса малорусскаго народа стала разслаиваться. Понемногу изъ среды посполства, т. е. крестьянъ, занятыхъ обработкой земли, и изъ среды козаковъ стали выдѣляться болѣе богатые землевладельцы, которые разными путями очутились собственниками крупныхъ имѣній. Хотя они не пользовались особыми правами и не составляли сословія, но по богатству, по образованію и положенію въ обществѣ, естественно выдѣлялись въ высшій слой, образуя какъ бы дворянство. Изъ среды этихъ вліятельныхъ семей неизбѣжно пополнялась войсковая старшина, т. е. разными должностными лицами гетманскаго управленія. Сплошь и рядомъ этотъ верхній, господствующій слой населенія соглашался пожертвовать въ угоду Москвѣ политическими правами, если это не мѣшало, а помогало его дальнѣйшему обогащенію. Въ то же время въ этой части украинскаго народа постепенно исчезалъ старый козацкій духъ. Отъ внѣшнихъ враговъ лѣвобережная Украина пользовалась защитой могущественной Москвы, народу ея не было болѣе надобности отстаивать свою вѣру, иновѣрныхъ и нерусскихъ пановъ не было въ его средѣ. Естественно, что козачество, которое питалось духомъ борьбы за народъ противъ этихъ враждебныхъ ему силъ, становилось ненужнымъ. Оно превращалось какъ бы въ сословіе, казаки являлись

въ это время чѣмъ то вродѣ мелкопомѣстныхъ или средней руки помѣщиковъ. „Якъ осѣли люде, тогда можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“, говоритъ о времени „гетманщины“ одинъ наивный лѣтописецъ. Гетманщина, т. е. эпоха, протекшая отъ раздѣленія Украины и до упраздненія гетмановъ и закрѣпощенія народа при Екатеринѣ II, могла бы почитаться самымъ лучшимъ временемъ въ исторической жизни Украины, особенно въ первое время. Украинскій народъ по сую сторону Днѣпра не только пользовался личной свободой, но каждый, даже послѣдній бѣднякъ, былъ полновластнымъ хозяиномъ земли, которую онъ обрабатывалъ. Налоги и общественныя повинности также не угнетали его, потому что управление было чрезвычайно просто—крестьянинъ не кормилъ пановъ, не содержалъ ни королевскаго двора съ его пышной обстановкой, ни многочисленнаго войска ни разныхъ учрежденій со множествомъ должностныхъ лицъ. Повинности онъ отбывалъ натурой, т. е. удѣлялъ на это скромную часть своего урожая или исполнялъ необходимыя работы въ свободное время. При такихъ условіяхъ украинскій народъ имѣлъ возможность жертвовать отъ своего достатка на дѣла просвѣщенія и благотворительности. Въ это время всюду появляются школы при церквахъ и госпитали для убогихъ. Не только въ городахъ, но въ селахъ и мѣстечкахъ возникаютъ церковныя братства изъ крестьянъ, цехи для ремесленниковъ и торговцевъ. Плодородная страна оживляется дѣятельной торговлей и промышленностью. Рядомъ со старыми селами возникаютъ новые поселки, которые выдвигаются все далѣе въ степь на югъ и на востокъ по мѣрѣ того, какъ эти мѣста дѣлаются безопасными отъ татаръ. Въ это время

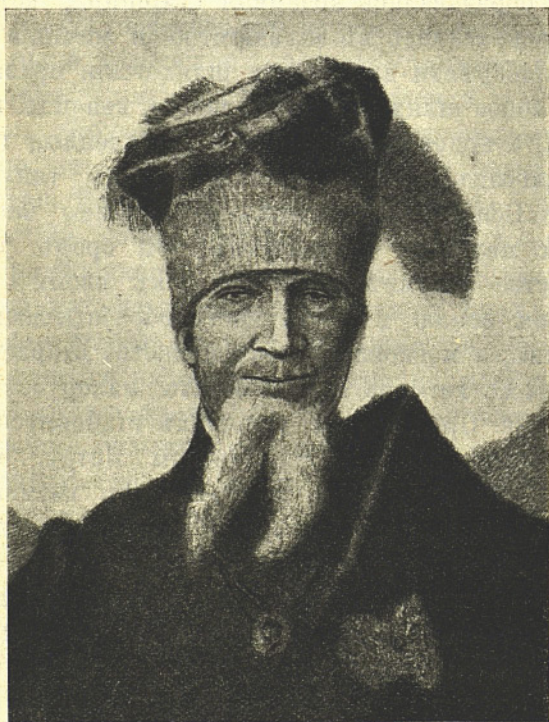
заселяется малороссами Харьковская губернія, Воронежская, Область Войска Донского. Караваны чумаковъ движутся на югъ за рыбой и солью, съ сѣвера сплавливаютъ лѣсъ, изъ самой Малороссіи вывозятъ массу хлѣба, который перемалываютъ въ муку на многочисленныхъ „млинахъ“, т. е. мельницахъ. Общее благосостояніе создаетъ потребности: хочется и сукна на кафтанъ потоньше, заморской фабрикаціи, являются требованія на украшенія, на предметы удобной домашней обстановки, требуются новые товары, искусные мастера. Постепенно изъ козацкаго „товариства“ выдѣляется верхній слой. Появляются знатныя фамиліи. „Богатъ и славенъ“ не одинъ Кочубей, а многое множество другихъ помѣщиковъ, „стада которыхъ необозримо“. Эти „державцы“ не замедлили устремить свои усилія на то, чтобы подчинить себѣ посполитыхъ, т. е. крестьянъ, жившихъ на ихъ землѣ. Конечно, могутъ спросить, зачѣмъ же крестьяне селились у нихъ, если оставалась для заселенія свободная степь, гдѣ каждый могъ захватить столько земли, сколько бы желалъ. Но въ то время разсуждали, не заглядывая въ будущее. Въ степи надо подымать цѣлину, что представляло трудную работу; новый поселокъ оказался бы далеко отъ всего и не пользовался бы полной безопасностью. Между тѣмъ „державецъ“, у котораго много пустоющей земли, очутившейся въ его владѣніи посредствомъ брака, покупки или въ видѣ награды отъ гетмана, предлагалъ ее новоселамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ и кромѣ того бралъ селившихся у него посполитыхъ подъ свое высокое покровительство. Спустя лѣтъ 30—50 положеніе уже измѣнилось: свободныхъ земель убавилось въ округѣ, за ними надо было тянуться въ далекую степь; мѣсто являлось уже насижен-

нымъ—тутъ и храмъ и могилы отцовъ, такъ что когда „державецъ“ убавлялъ льготы и увеличивалъ повинности, то крестьянинъ, почесавъ въ затылкѣ, предпочиталъ остаться на мѣстѣ въ надеждѣ, что дальше не станетъ хуже. Такимъ образомъ изъ козацкаго „товариства“ образовалась козацкая старшина, которая на дѣлѣ превратилась въ шляхетство и мечтала о томъ, чтобы приобрѣсти для себя и шляхетскія права.

Это новое шляхетство собирается, конечно, кругомъ гетмана, а недовольные, то есть обдѣленные при раздачѣ наградъ, пожалованій и чиновъ, тянутъ руку Москвы. Вся эпоха гетманщины большею частью наполнена мелкими смутами въ этой средѣ, причемъ шляхетство стремится прибрать къ своимъ рукамъ права на землю и на личность обрабатывающихъ ее крестьянъ, а московское правительство старается умалить власть гетмана и ограничить малорусское самоуправленіе. При такихъ условіяхъ становится понятной измѣна пресловутаго Мазепы Петру. Какъ ни ограничены были права малорусскихъ гетмановъ ко времени Петра, но энергичному царю этого было мало. Планы и предпріятія его требовали полного повиновенія. Часть малорусской шляхты, которая увидѣла въ этомъ опасность для своего положенія, поддержала Мазепу въ его тайныхъ намѣреніяхъ, между тѣмъ какъ другая часть, которой представлялось болѣе выгоднымъ пожертвовать правами самоуправления и стать на сторону царя съ цѣлью закрѣпить свои права на землю, осталась ему вѣрна. Самъ же народъ почти не принялъ участія въ измѣнѣ Мазепы, вѣроятно, потому, что возстаніе противъ Петра представлялось ему присоединеніемъ къ Польшѣ, а память о прежней жизни подѣ

владычествомъ Польши была еще свѣжа въ малорусскомъ народѣ.

Къ Мазепѣ и шведамъ пристали тогда запорожцы. Со времени присоединенія лѣвобережной Украины къ

Гетманъ Мазепа.

Москвѣ, Запорожью пришлось худо. Подобно тому какъ Украина перестала нуждаться въ собственномъ козачествѣ, такъ и Запорожье теряло свое значеніе. Кромѣ того Сѣчь запорожская очутилась въ сильной зависи-

мости отъ московскаго правительства. Она, эта родина-мать истинно-козацкаго духа, была расположена въ пустынной мѣстности и нуждалась въ всемъ. Горілку, порохъ и оружіе, сукно на красные жупаны, дерево (липы) для постройки лодокъ, словомъ—все доставлялось въ Сѣчь съ сѣвера. И вотъ какъ только Сѣчь обнаруживала непокорность, московскіе воеводы „запирали“ Днѣпръ и оставляли запорожцевъ безъ самого необходимаго.

Понемногу новыя поселенія въ степи распространялись къ югу. Вмѣстѣ съ ними на югъ передвигались защитныя линіи противъ крымцевъ, какими московское государство ограждало себя отъ набѣговъ этихъ хищниковъ. Такимъ образомъ Запорожье становилось ближе къ населеннымъ мѣстамъ и теряло свой характеръ недоступнаго гнѣзда, гдѣ вольныхъ удалцовъ не могла достать никакая рука. Кругомъ становилось тѣсно: Московское государство, Польша, Крымъ, Турція съ ея крѣпостями на Черномъ морѣ—все это подступало къ Запорожью ближе и ближе. Но всего несноснѣе была для запорожцевъ зависимость отъ Москвы. Понятно-почему Сѣчь поднялась и примкнула къ Мазепѣ, измѣна котораго сулила вернуть старое время. Когда Мазепа долженъ былъ послѣ Полтавской битвы бѣжать съ Карломъ XII, весь гнѣвъ Петра обрушился на Сѣчь. Въ концѣ апрѣля 1709 г. передъ Сѣчевымъ городкомъ появился полковникъ Яковлевъ съ тремя полками и приступилъ къ осадѣ его. Но Сѣчь, защищенная широкимъ разливомъ Днѣпра, храбро оборонялась, пока на помощь Яковлеву не явился украинскій полковникъ Галаганъ. Онъ успѣлъ склонить запорожцевъ сдаться на милость царя, но едва они положили оружіе, какъ были вѣроломно избиты, а всѣ сѣчевыя постройки и

зимники безпощадно преданы огню. Вслѣдъ затѣмъ Петръ, который былъ чрезвычайно обрадованъ разореніемъ „проклятаго гнѣзда“, объявилъ запорожскія земли присоединенными къ Гетманщинѣ, а уцѣлѣвшимъ запорожцамъ далъ пощаду съ тѣмъ условіемъ, чтобы они выбирали себѣ осѣдлость и жили на ней на правахъ простыхъ крестьянъ.

Эго еще не былъ конецъ запорожской Сѣчи. Она возродилась потомъ вновь, но послѣдующее краткое существованіе ея представляло не болѣе, какъ агонію, пока послѣдніе остатки войска, чтобы не подчиниться упраздненію Сѣчи, бѣжали въ Турцію, гдѣ потомки славныхъ запорожцевъ еще и теперь живутъ въ Малой Азіи.

Конецъ вольной Сѣчи знаменовалъ собой и конецъ украинской самостоятельности. Послѣдующая исторія Малороссіи, какъ Гетманщины, такъ и Украины, оставшейся во владѣніи Польши, печальна и мрачна. Пока существовала Польша, малорусскій народъ не переставалъ дѣлать попытки сбросить съ себя рабское иго, наложенное на него панами, которое становилось все тяжелѣе. Особенной свирѣпостью отличалось крестьянское возстаніе, извѣстное подъ именемъ Коліивщины и поднятое Желѣзнякомъ и сотникомъ Гонтой. Но это были послѣднія вспышки догоравшаго огня—стремленія къ волѣ и землѣ. Когда Польша оказалась подѣленной между тремя сосѣдними государствами—Россіей, Пруссіей и Австріей, большая часть польской Малороссіи отошла къ Россіи. Гетманы и все старинное собственное управленіе были упразднены, народъ былъ обращенъ въ крѣпостное состояніе. Громадныя пространства плодородныхъ земель, очутившихся въ рукахъ русскаго государства благодаря присоединенію

Малороссіи и Новороссіи, сосредоточивались вскорѣ въ рукахъ разныхъ вельможъ, которымъ они были „пожалованы“ за разныя заслуги, или же земли эти были расхищены и скуплены мѣстными владѣльцами. Состояніе Малороссіи, какъ въ отношеніи внутренняго управленія, такъ въ отношеніяхъ между сословіями, перестало, начиная съ Екатерины II, различаться отъ того, что существовало въ остальной Россіи. Малорусскіе помѣщики, потомки войсковой старшины и состоятельныхъ козаковъ, успѣли добиться для себя равныхъ правъ съ русскимъ дворянствомъ и такимъ образомъ отдѣлили свою судьбу отъ народа, который, попавъ въ рабскую зависимость, все глубже опускался въ пучину невѣжества, грубости и бѣдности. Какъ скоро источникомъ, изъ котораго расточались земныя блага, стала не столица гетмановъ съ ея стариннымъ укладомъ малорусской жизни, со всѣми чисто малорусскими воззрѣніями, правами и языкомъ, а далекій и чуждый народу Петербургъ, малорусское дворянство устремилось на новый огонекъ, спѣша разстаться съ наслѣдіемъ отцовъ. Съ перемѣной одежды мѣняли языкъ, пріучаясь къ свѣтскому обращенію и строю жизни, посылая учиться дѣтей въ Москву и Петербургъ. На мѣстѣ оставались какіе-нибудь мелкопомѣстные Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, Афанасіи Ивановичи и Пульхеріи Ивановны. Народъ, подавленный игомъ тяжелаго рабства, которое онъ героическими усилями пытался сбросить съ себя на протяженіи всей своей многострадальной исторіи, остался предоставленнымъ себѣ. Но въ глубинѣ его темной массы, въ тайникахъ смиряемой, но не смирившейся души остались тлѣть искры прежней страстной любви къ свободѣ, уцѣлѣли обрывки воспоминаній, которые подслушали

и разгадали новые люди, чуткія души, вышедшія изъ самыхъ рядовъ народной массы. Первые, едва слышные звуки ихъ голосовъ прозвучали на Украинѣ въ то мрачное и холодное время, когда вся Россія цѣпенѣла въ страхѣ и молчаніи, въ началѣ XIX вѣка. Они звучатъ все сильнѣе, и къ нимъ уже присоединяется голосъ народа, который забылъ прошлыя дѣянія, но не забылъ своихъ страданій и изъ подъ спуда вѣкового рабства снова вынесъ на дневной свѣтъ живую и вѣчную потребность души и тѣла—жажду воли и право на вольный трудъ. Не есть ли вся прошлая исторія малорусскаго народа воплощеніе этихъ вѣковѣчныхъ стремленій? Когда „батько“ съ длинными сѣдыми волосами выѣзжалъ предъ красные ряды и, указывая гетманской булавой на сверкающіе золотой броней полки польскихъ гусаръ, кричалъ зычнымъ голосомъ: „за віру, за віру!“ то какими чувствами трепетало козацкое сердце въ груди? Не рвалось ли оно къ волѣ, которая означаетъ свободу отъ всякаго ига?

ГЛАВА IV.

Характеръ и быть малороссовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Украина перестала представлять обособленную отъ остальной Россіи страну, врядъ ли найдется въ нашемъ отечествѣ такой уголокъ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить малоросса въ видѣ солдата, военнаго или чиновника, закинутаго туда превратностями жизни. Фигура, особенно характерный говоръ малоросса рѣзко выдѣляютъ его изъ толпы. Онъ попалъ и въ литературу. Почти нѣтъ ни одного крупнаго автора, въ произведеніи котораго не встрѣтился бы тотъ или иной типъ малоросса. Обыкновенно въ такомъ видѣ онъ и извѣстенъ намъ: медлительно-лѣнивый, съ карими, ласково-грустными очами, съ мягкимъ, непривычнымъ нашему слуху выговоромъ, хладнокровный юмористъ и большой патріотъ своего отечества. Однако судить по этимъ знакомымъ намъ типамъ обо всемъ народѣ было бы ошибочно, тѣмъ болѣе, что при своей любви къ родной землѣ и при отсутствіи предприимчивости малороссы-простолудины рѣдко покидаютъ родину, развѣ по неволѣ, когда забреютъ рекруту лобъ и погоняютъ его на чужую сторону. Надо пожить гдѣ-нибудь въ самомъ сердцѣ Украины, въ

Полтавской или въ Кіевской губерніи, чтобы понять душу украинскаго народа, столь отличную отъ русскаго народнаго духа. Недаромъ обѣ народности, являющіяся по происхожденію родными братьями, не слишкомъ долюбливаютъ другъ друга и трунятъ одинъ надъ другимъ. Великороссы чествуютъ украинцевъ „хохлами“ еще съ тѣхъ временъ, когда знаменитый „оселедецъ“ составлялъ украшеніе каждаго козака. Тѣ въ свою очередь прозвали бородатыхъ русскихъ „кацапами“ (отъ малорусскаго цапъ—козелъ). Историческія событія противопоставляли Украину Польшѣ и Московской Руси. Борьба съ Польшей охватываетъ главные событія украинской исторіи и представляетъ бой не на животь, а на смерть, и тѣмъ не менѣе отношенія украинцевъ къ полякамъ проникнуты, пожалуй, меньшей нетерпимостью, чѣмъ чувства, питаемая ими къ намъ, русскимъ. И это понятно. Малороссы и ляхи боролись другъ съ другомъ, какъ равный съ равнымъ, научившись уважать силу врага; въ эпохи затишья малорусскій народъ неизбѣжно перенималъ отъ поляковъ всѣ культурные усѣхи Запада. Между тѣмъ со стороны московскаго, а затѣмъ петербургскаго правительства украинцы со временъ Богдана Хмельницкаго не видѣли ничего, кромѣ насилія, тѣмъ болѣе нестерпимаго, что оно исходило отъ государства и народа, который по своей культурѣ стоялъ въ глазахъ малороссовъ ниже, того уровня, который существовалъ у нихъ. Отсюда обидное чувство, затаившееся въ глубинѣ души, которое изгладится, какъ скоро украинскій народъ убѣдится, что восточному брату и сосѣду его, массѣ русскаго народа, жилось нисколько не лучше.

Несмотря на общую вѣру и очень сходный языкъ въ характерѣ этихъ обоихъ народовъ очень много раз-

наго. Различіе бросается въ глаза уже во внѣшности, начиная съ выраженія и чертъ лица, и кончая манерами, одеждой, обычаями и всѣмъ складомъ души. Сѣверные малороссы больше русые и вполне воплощаютъ въ чертахъ своего лица славянскій типъ. Брюнеты съ круглой головой, плоскими лицами, карими глазами и щетинистыми черными волосами на головѣ и усахъ встрѣчаются чаще на югѣ, гдѣ къ славянской крови полянъ, дулѣбовъ, вольнянъ и другихъ племенъ въ теченіе тысячелѣтія примѣшивалась монгольская кровь кочевыхъ степняковъ. Оттого большое разнообразіе типовъ: рядомъ съ правильнымъ славянскимъ лицомъ встрѣчаются энергичные, чисто турецкіе, профили или скуластыя татарскія фізіономіи. Но послѣднихъ все-таки мало, и малороссы сплошь и рядомъ не только красивый, но очень рослый и стройный народъ. Хотя въ малорусскихъ пѣсняхъ постоянно упоминаются каріи очи, однако на дѣлѣ оказывается, что карія очи встрѣчаются у малороссовъ рѣже, чѣмъ сѣрыя; точно также и брюнеты уступаютъ первое мѣсто русымъ. Лицо, говорятъ, зеркало души, и въ этомъ случаѣ выраженіе фізіономіи малоросса дѣйствительно отражаетъ на себѣ его внутренній міръ, его характеръ. Вы прочтете на ней многое. И лукавый блескъ то мягкаго, то жесткаго юмора въ глазахъ, и нѣсколько сантиментальную мечтательность, и спокойную задумчивость, которую во мгновеніе ока можетъ согнать выраженіе холоднаго гнѣва или взрывъ веселаго смѣха, которому охотно предаются паробки и дѣвчата. Но при всѣхъ переливахъ выраженія вы все-таки замѣчаете, что не все движеніе души выливается въ выраженіи лица: что то всегда остается на днѣ ея, не такъ какъ у добродушнаго и черезъ-чуръ откровен-

наго великоросса. И оттого украинца справедливо называют лукавым хохломъ. Лукавство выражалось въ прошломъ въ разнообразныхъ „фигляхъ“, т. е. военныхъ хитростяхъ, на которыя были такіе мастера запорожцы, а теперь обнаруживается всякій разъ, какъ кому-нибудь приходитъ охота надуть добродушнаго съ виду хохла. Надуть иногда и удается, но чаще, даже въ случаѣ удачи, въ смѣшномъ положеніи оказывается надувшій, а не его жертва. Одно какое-нибудь спокойно ввернутое словечко склоняетъ побѣду хотя бы по внѣшности на сторону обманутаго.

Спокойно лукавому выраженію фізіономіи малоросса отвѣчаетъ и медлительность его движеній, снискавшая ему среди болѣе юркихъ великороссовъ эпитетъ лѣниваго. Дѣйствительно, если кто не торопится и не беспокоится, то это малороссъ. И свойство это проявляется не только въ движеніяхъ, но сплошь и рядомъ въ рѣчи, которая пріобрѣтаетъ необыкновенную краткость, лаконизмъ, являющійся главной причиной ея мѣткости и образности. Это, однако, не лѣнь. Просто, прежде чѣмъ отвѣтить, малороссъ спокойно пошевелитъ у себя въ головѣ и подумаетъ, стоитъ ли отвѣчать, а если стоитъ, то что сказать. Неудивительно, если обдуманное слово болѣе вѣско и мѣтко. Лѣнивая медлительность движеній вовсе не подавляющее качество малоросса. Неудобно ли взглянуть, какія штуки выдѣлываетъ ногами, когда немножко хватить горілки или просто разойдется и пойдетъ въ плясъ тотъ самый человекъ, который, лежа подъ возомъ, торговалъ на базарѣ арбузами и долго не могъ собраться, чтобы повернуть голову и отвѣтить вамъ, покупателю, на самый простой вопросъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, что медлительность и краткость

рѣчи, движеній, любовь къ покою, неподвижность является свойствомъ какъ бы однихъ мужчинъ и совершенно чужды хохлушкамъ. Въ то время, какъ хохоль отдѣляется однимъ словомъ, а то и краснорѣчивымъ молчаніемъ, прекрасная половина его можетъ положительно затопить васъ потокомъ словъ, изливаемыхъ въ самыхъ пѣвучихъ интонаціяхъ, со множествомъ жестовъ, съ чисто актерской способностью рассказывать о какомъ нибудь событіи, представляя голосомъ и движеніемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Оттого ихъ и называютъ „цокотухами“. Однако это свойство тоже не природженное, а создается обстановкой жизни. Дѣло въ томъ, что всѣ тяжелыя полевые работы исполнялись въ Малороссіи мужчинами, причемъ ихъ соработниками являлись волю. А волю, хотя трудолюбивъ, но медлителенъ. Немудрено, если работникъ, принужденный въ теченіе несчетнаго числа рабочихъ часовъ прилаживаться къ характеру и движеніямъ своей скотины, самъ становится такимъ же медлительнымъ и апатичнымъ, какъ его волю. Между тѣмъ женщины-хохлушки, въ противоположность нашимъ бабамъ, работаютъ большею частью дома. Само собой понятно, что въ большомъ селеніи, гдѣ хата стоитъ рядомъ и напротивъ другихъ хатъ, въ которыхъ хозяйки столь же ретиво хлопчутъ возлѣ печки или за другимъ дѣломъ, ежеминутно представляется возможность выскочить на улицу и, собравшись тамъ кучкой, обсуждать, живописно подперевъ рукой круглый подбородокъ, какое-нибудь происшествіе, случившееся у сосѣдки. Распоряжаясь всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, малорусская женщина является истинной хозяйкой дома. При врожденномъ ей лукавствѣ, подвижности и готовности ежеминутно пустить въ дѣло

Дѣвушка-украинка.

свой звонкій голосъ, изливая цѣлые потоки словъ, отъ которыхъ ея „чоловѣкъ“ только рукой отмахивается, неудивительно, что украинка является обыкновенно главой дома. Если вамъ что надо въ хатѣ, нечего обращаться къ хозяину, надо идти къ хозяйкѣ — все равно онъ пошлетъ къ ней.

Если что не по ней, то хитрая баба не тѣмъ, такъ другимъ непременно добьется своего. Присоедините къ этому еще свойственное женщинамъ любопытство, охоту вмѣшиваться въ чужія дѣла, умѣнье ловко владѣть ухватомъ или дрючкомъ, и вотъ передъ вами образъ энергичной хозяйки, передъ которой отступаетъ всякій малороссъ. Эта невольная уступчивость пересыпается, конечно, юморомъ, въ которомъ нерѣдко отражается досада на свое безсиліе и пожеланіе всякихъ нелегкихъ. Когда при Петрѣ Великомъ нѣкоторые малорусскіе старшины по одному доносу были наказаны кнутомъ, и послѣ экзекуціи лежали на рожахъ,—одинъ изъ нихъ отозвался къ товарищу:

— А що, брате, чи солодка (солоня) московська пужка (плеть): може бѣ ей послать нашимъ жінкамъ на гостинець!

Обитая въ краю тепломъ, солнечномъ и урожайномъ, среди болѣе разнообразной красивой природы, малороссъ, естественно, больше сжился и цѣнитъ ее, чѣмъ сѣверяне, которыхъ длинная зима и частое ненастье надолго запираетъ въ жильѣ. Эта любовь къ природѣ, къ ея звукамъ, формамъ и краскамъ проявляется у малоросса на каждомъ шагу. Онъ мечтателенъ и чувствителенъ, любитъ всякую музыку и обладаетъ природной музыкальностью, предпочитаетъ въ одеждѣ яркіе цвѣта и красивый покрой. Дѣйствительно, малорусская одежда, какъ мужская, такъ и женская, не толь-

ко удобна, но и очень красива, сильно отличаясь и превосходя въ этихъ отношеніяхъ великорусскіе народныя наряды; очень жаль, что теперь этотъ красивый костюмъ вытѣсняется общей, такъ называемой нѣмецкой одеждой, которая постепенно проникаетъ въ малорусскую деревню по мѣрѣ того, какъ фабрики и мануфактуры производятъ дешевые ситцы и шерстяныя матеріи, уничтожая тѣмъ процвѣтавшее прежде домашнее или кустарное производство. Уже по всѣмъ окраиннымъ губерніямъ одежда эта встрѣчается все рѣже и рѣже. Чтобы увидѣть ее повсемѣстно въ простомъ народѣ, надо посѣтить самое сердце Малороссіи—Полтавскую и Кіевскую губерніи. Толпа парубковъ и дѣвчатъ, разодѣтая въ праздникъ и толпящаяся гдѣ-нибудь на площади въ ожиданіи увеселеній, представляетъ въ высшей степени яркую и оживленную картину, напоминающую пестрое сочетаніе разнообразныхъ цвѣтовъ гдѣ-нибудь на жарко освѣщенной солнцемъ полянѣ или въ свѣтломъ углу сада.

Подобно одеждѣ малорусское жильѣ, хата, во многомъ отличается отъ великорусской избы. Различіе во внѣшности настолько велико, что рѣзко бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на селеніе. Въ степномъ, лишенномъ лѣса краю естественно, что главнымъ матеріаломъ для хаты служитъ не дерево. Въ сѣверныхъ малорусскихъ губерніяхъ хаты еще бываютъ изъ толстыхъ досокъ, оштукатуренныхъ или покрашенныхъ мѣломъ снаружи и внутри. Но далѣе къ югу главнымъ матеріаломъ является глина, деревянные же столбы и брусья служатъ лишь для основы или клѣтки. Глину мѣшаютъ съ рѣзаной соломой, вообще съ волокнистыми веществами, и возводятъ изъ нея стѣны хаты, оставляя въ нихъ маленькія оконца, снабженныя

непремѣнно ставнями, которыми ихъ припираютъ не только на ночь, но и днемъ въ жару, чтобы сохранить внутри прохладу и убавить мухъ. Необыкновенно толстая, мохнатая, но въ то же время аккуратно причесанная и подстриженная кругомъ внизу крыша нахлобучиваетъ хату на манеръ папахи. Надъ ней торчитъ деревянная, нѣсколько коническая, обмазанная глиной труба, которую нерѣдко замѣняетъ какая-нибудь лишившаяся дна старая глиняная корчага или горшокъ. Стѣны хаты вымазаны въ ослѣпительно бѣлый или голубоватый тонъ, на фонѣ котораго особенно красиво выдѣляются желтыя солнца подсолнечниковъ или пятна красныхъ маковъ, растущихъ въ саду. Для тепла хату окружаютъ низкимъ землянымъ валомъ, прихваченнымъ досками или плетнемъ, образующимъ завалинку, любимое мѣсто стариковъ и малыхъ ребятъ.

Въ Малороссіи не существовало обычнаго въ остальной Россіи общиннаго владѣнія землей, которое волею-неволею придавало извѣстное однообразіе характеру жизни крестьянина, прививъ ему нѣкоторую стадность, выражающуюся, напр., въ томъ, что въ великорусскихъ деревняхъ всѣ избы не только на одинъ ладъ, но и выстроены въ тѣсный длинный рядъ вдоль единственной улицы деревни. Въ Малороссіи селенія обыкновенно расположены въ красивой мѣстности—возлѣ рѣчки, на склонѣ или на днѣ живописной балки, такъ что, когда ѣдешь мимо нихъ весною, когда плодовые деревья въ цвѣту и вездѣ раздаются пѣсни молодежи и соловьиный рокоть, то невольно скажешь, что это край поэтической. Хаты въ селеніи очень рѣдко стоятъ въ порядкѣ, обыкновенно онѣ разбросаны, лѣнятся по косогорамъ и положительно тонутъ въ пышной зелени садиковъ, обведенныхъ неправильнымъ, но живописнымъ

Хлопецъ.

плетнемъ, который охотно обвиваютъ разныя ползучія и вьющіяся растенія. Въ селеніи непремѣнно есть площадь, отъ которой во всѣ стороны вьются кривыя улочки межъ двухъ рядовъ плетня, пока не выбѣгутъ черезъ греблю или запруду млина, величественно осѣняемую осоками, тополемъ или ивой, на широкой просторъ степи. Если только можно построить церковь на горѣ, она тамъ построена, а если ея нѣтъ, то кладбище уже непремѣнно расположено на какой-нибудь возвышенности. За хатой обыкновенно огородъ, но не такой, къ какому привыкъ нашъ глазъ, съ грядами низкой растительности. Чего-чего только нѣтъ въ этомъ огородѣ въ концѣ лѣта! Въ перемежку на влажной горячей почвѣ тутъ и громадныя дыни, коллосальныя тыквы, фасоль, огурцы, и цѣлыми рядами стоятъ, поникнувъ громадными головами, млѣя въ тепломъ воздухѣ подъ солнечнымъ зноемъ, подсолнечники и другія высокія и кустистыя растенія. Въ садахъ самыя обычныя деревья сливы, груши и яблони. Упавшіе плоды ихъ усѣиваютъ нерѣдко все заросшее дикою травой подножіе дерева и гніютъ, испуская пряный запахъ. Большія хаты очень рѣдки, можно сказать, ихъ совсѣмъ нѣтъ, потому что среди малороссовъ не въ обычаѣ жить большими семьями. Въ Малороссіи отцы по большей части при жизни отдѣляютъ женатыхъ сыновей. Если они не всегда распредѣляютъ между ними имѣніе, и требуютъ общей работы, то по крайней мѣрѣ строятъ каждому сыну отдѣльную хату, въ которой молодая чета живетъ и устраивается по своему желанію, не имѣя непріятныхъ столкновеній съ прочими членами семьи. Послѣ смерти отца женатые братья ни за что не останутся жить въ одной хатѣ. Въ этомъ, какъ во многихъ другихъ явленіяхъ, сказывается основ-

ная черта характера малоросса. Въ противоположность великорусскому крестьянину малороссъ индивидуалистъ. Издавна обрабатывая свое поле въ качествѣ собственника или по крайней мѣрѣ единственнаго распоряжающагося хозяйствомъ лица, малороссъ отвыкъ отъ подчиненія себя въ житейскомъ обиходѣ общей волѣ и развилъ въ себѣ привычку жить самъ по себѣ. Большой достатокъ, истекающій отъ плодородія почвы, болѣе высокая культура, развитая частью изъ древнерусскихъ основъ, частью заимствованная черезъ Польшу съ запада, сдѣлала малоросса болѣе требовательнымъ къ жизненнымъ удобствамъ. Онъ очень неравнодушенъ къ домашнему комфорту, любитъ уютъ, чистоту въ домѣ, красивое убранство, вкусную, разнообразную пищу, красивую, яркую одежду. Это видно, какъ только войдешь въ хату. По сравненію съ великорусской избой внутренность ея поражаетъ чистотой и какимъ-то общимъ стремленіемъ къ красотѣ и порядку. Общее расположеніе предметовъ въ ней почти такое же, какъ у насъ, т. е. въ углу возлѣ двери громадная печь, противъ которой расположенъ красный уголь, со столомъ, накрытымъ чистой скатертью. Здѣсь много иконъ, священныхъ картинъ, съ заткнутыми за ними цвѣтами, съ красивыми писанками, т. е. узорно раскрашенными пасхальными яйцами. Вдоль стѣны лавки. На особомъ мѣстѣ возлѣ печи полки съ чисто вымытой посудой. Въ другомъ углу нерѣдко цвѣтнымъ пологомъ отгорожена постель, не просто деревянный остовъ съ валяющимся на немъ рванымъ полушубкомъ и разнымъ хламомъ, а настоящая постель съ одѣяломъ, подушками въ наволочкахъ, съ простынями. Глиняный полъ чисто выметенъ, и какъ только бѣлыя стѣны потемнѣютъ

отъ пыли и копоти, хозяйка непременно побѣлить ихъ известью. Въ одеждѣ, которая хранится въ кладовкѣ, въ сундукахъ на колесахъ, замѣчается та же чистота. И только если вы обратитесь къ самимъ хозяевамъ съ вопросомъ, какъ часто они моются въ банѣ, то въ большинствѣ случаевъ наткнетесь на обычай не мыться вовсе! Дѣйствительно, малороссъ положительно боится воды. Возлѣ хаты въ ряду другихъ хозяйственныхъ построекъ нигдѣ не видно бани. На рѣчкѣ или на прудѣ полощатся одни утки и гуси. Если кто иногда и купается, то дѣти, иногда молодежь. Пожилой малороссъ ни за что не снизойдетъ до этого.

Главнымъ, исконнымъ занятіемъ малороссовъ является земледѣліе. Украинецъ до того свыкъся съ этимъ трудомъ, что какъ-то даже трудно себѣ представить его работающимъ топоромъ. Если вы присмотритесь къ деревяннымъ работамъ, напр., при постройкѣ хаты, обратите вниманіе на двери въ домахъ, на крыльцѣ, то сразу убѣдитесь, какъ грубо и въ сущности неумѣло сдѣлано все это. Въ то время какъ русскаго крестьянина не представляешь себѣ безъ топора, заткнутого позади за кушакъ, малороссъ понятенъ только въ сочетаніи съ земледѣльческими орудіями. Еще труднѣе для него какое-либо другое занятіе, требующее большой живости и подвижности, напр. торговля, которою онъ совсѣмъ не занимается. Въ этомъ дѣлѣ его обслуживаетъ по ту сторону Днѣпра еврей, а по сію сторону русскій захожіи торговецъ.

Въ прежнія времена малороссъ рѣшительно склонялся къ частному землевладѣнію. Онъ всегда былъ жадеиъ до земли, какъ истый хлѣборобъ. За землю и волю именно и билась Украина съ Польшей. Но въ эпоху паденія крѣпостного права

малорусскій народъ, подобно великорусскому, былъ надѣленъ землею на общинномъ началѣ, и теперь этотъ родъ землевладѣнія является преобладающимъ, по крайней мѣрѣ, по сую сторону Днѣпра, хотя онъ и не соотвѣтствуетъ характеру народа. Если вся исторія малорусскаго народа за прежнія времена есть въ сущности исторія борьбы крестьянскаго сословія за землю и волю, причемъ эта политая потоками крови земля вѣчно ускользала изъ его рукъ, то нельзя сказать, чтобы при освобожденіи изъ крѣпостной зависимости народъ оказался достаточно надѣленнымъ землею. Съ того времени прошло почти полстолѣтія, въ теченіе котораго земельная тѣснота увеличилась еще болѣе. Не имѣя достаточно своей земли, украинскій крестьянинъ долженъ арендовать ее и отдавать добрую часть урожая владѣльцу или онъ нанимается убирать урожай въ сосѣдней экономіи, т. е. въ большомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Обработка земли производится у крестьянъ во многихъ мѣстахъ стариннымъ способомъ. Въ прежнія времена пахали исключительно волами. Украинецъ выѣзжалъ въ степь съ громоздкимъ тяжелымъ плугомъ, который медленно влекли три или четыре пары воловъ. Громадныя животныя сѣрой масти съ длинными, торчащими въ стороны рогами медлительно важно волочатъ плугъ, которымъ пахарь управляетъ, напрягая всѣ свои силы. Три или четыре пары воловъ могли содержать только зажиточные крестьяне, и потому въ Малороссіи очень распространенъ былъ обычай взаимопомощи. У кого недостаетъ скота, тотъ отыскиваетъ себѣ товарища, съ которымъ пашетъ вмѣстѣ. Такая же помощь требуется при другихъ работахъ: для рубки и возки лѣса, для постройки хаты. Въ этихъ случаяхъ рабо-

таютъ часто не за деньги, а за угощеніе. Само собой понятно, что хозяинъ долженъ накормить добровольныхъ работниковъ хорошо.

Весна въ Малороссіи начинается рано, въ половинѣ марта. Снѣгъ таетъ и сходитъ такъ быстро, что сѣютъ въ полѣ нерѣдко до Благовѣщенія. Въ ноябрѣ, когда земля начинаетъ промерзать, всѣ полевые работы оканчиваются. Покончивъ съ пахотой и посѣвомъ, малороссъ принимается около половины іюня за уборку сѣна. Наступаетъ „косовица“. Махать косой отъ зари до зари едва ли не самая тяжелая работа въ быту крестьянина, но обыкновенно она проходитъ въ видѣ праздника. Каждый, у кого есть степь, т. е. лугъ, запасается косцами и старается кормить и поить ихъ возможно лучше. На этой работѣ ѣдятъ плотно. Завтракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ съ непремѣнной чаркой водки, съ мясомъ или рыбой, если день постный, это уже непремѣнное довольствіе. Этой утомительной работой занимаются только взрослые рабочіе. Если про кого говорятъ: вінъ косарь (онъ косецъ), это служитъ доказательствомъ совершеннолѣтія и физической силы паробка. Несмотря на тяжелый трудъ, косовица самая веселая изъ полевыхъ работъ, потому что для этого собираются гдѣ-нибудь въ степи, строятъ „куринь“ (шалашъ), хорошо ѣдятъ, а въ короткіе часы отдыха веселятся. Атаманъ, который идетъ впереди фаланги косцовъ, часто и запѣвало тѣхъ пѣсень, которыя получили названіе косарскихъ. Таборъ косцовъ устраивается въ полѣ со всѣми удобствами: возлѣ шалаша ставятъ печь и водружаютъ шесть или вилы, чтобы подавать косцамъ сигналъ бросать работу и идти къ куриню ѣсть.

Спустя нѣсколько дней, когда трава полегла пониже рядами подъ ударами звонкихъ косъ, таборъ

косарей увеличивается благодаря прибытію гребцовъ, т. е. дѣвушекъ и подростковъ, сгребаящихъ сѣно. Тутъ широкая степь оглашается непрерывными пѣснями, а иногда вечеромъ возлѣ табора, несмотря на усталость, происходятъ пляски подѣ звуки балалайки или дудки. Не успѣла кончиться уборка сѣна, какъ подходитъ жнива, и тутъ уже селеніе пустѣетъ совершенно: остаются дома только дряхлые старики, да малыя дѣти; грудныхъ же младенцевъ матери уносятъ съ собой и устраиваютъ ихъ гдѣ-нибудь по близости себя въ тѣни сжатыхъ сноповъ. Жатва самое горячее время въ Малороссіи. При лѣтнемъ зноѣ хлѣбъ поспѣваетъ быстро, и одинъ родъ слѣдуетъ за другимъ, такъ что жнецы, желая поспѣть, прямо выбиваются изъ силъ, почти лишая себя сна. Иной хлѣбъ, напр. ячмень, упустишь, глядишь, черезъ два-три дня онъ уже испорченъ. Въ это время, такъ же какъ въ косовицу, помѣщикамъ не хватаетъ рабочихъ. Цѣлыя толпы косарей и жнецовъ устремляются въ это время на полевые работы въ южную Россію. Длинные поѣзда биткомъ набиты ими. Спѣша убрать хлѣбъ, владѣльцы имѣній не стоятъ за платой, лишь бы скорѣе и во время снять богатый урожай.

Послѣ жатвы наступаетъ „возовица“, которая тянется долго, потому что поля часто лежатъ въ степи далеко отъ селеній. Хлѣбъ въ снопахъ свозятъ на токъ или въ клуню, т. е. въ ригу. Вотъ наступаетъ молотьба, для которой прежде малороссъ вооружался цѣпомъ, а теперь все чаще входятъ въ употребленіе механическія молотилки, стукъ которыхъ въ звонкомъ осеннемъ воздухѣ виситъ цѣлые дни надъ селеніемъ. Первый отмолоченный хлѣбъ везутъ на мельницу. Въ Малороссіи до сихъ поръ въ обычаѣ имѣть свою мельницу „вітрякъ“ или

водяной млинъ, конечно, только у достаточныхъ хозяевъ. Эти вітряки на курьихъ ножкахъ съ растопыренными досчатыми крыльями виднѣются цѣлыми рядами или кучками кругомъ селеній на открытыхъ мѣстахъ. Когда въ сильный вѣтеръ множество ихъ крыльевъ вертится на воздухѣ, картина очень оживленная. Млины стоятъ на плотикахъ у запрудъ. Стаи домашнихъ утокъ, гусей, и густые камыши съ безчисленнымъ пернатымъ населеніемъ и громадными лягушками, задающими свои хоровые концерты во всѣ часы дня, обыкновенная принадлежность такого млина. Въ концѣ лѣта поспѣваютъ и баштаны съ арбузами, которые раскинуты гдѣ-нибудь въ степи возлѣ дороги, такъ что проѣзжіе то и дѣло останавливаются, чтобы за нѣсколько копѣекъ пріобрѣсти громадный сочный арбузъ, который продаетъ какой-нибудь ветхій дѣдъ, грѣющій свои кости возлѣ шалаша. Около него нерѣдко толпа ребятъ, а по ночамъ случается, что на баштанъ пробираются паробки, охотники до тайнаго дароваго угощенія. Поспѣваетъ въ это время и греча. Возлѣ буро-красныхъ полей ея обыкновенно устраиваются въ степи пасѣнки, чтобы пчеламъ было ближе летать за богатой взяткой. Огороды и сады ломаются въ это время отъ обилія разныхъ плодовъ. Громадные подсолнечники совсѣмъ склонили свои головы долу и потеряли пышный желтый вѣнчикъ. Уже бабы и ребята срѣзаютъ ихъ и съ помощью палки выколачиваютъ крупныя, пухлыя сѣмена, которыя сыпятся градомъ въ мѣшокъ, чтобы служить въ теченіе цѣлаго года усладой старымъ и молодымъ. Сколько работы убрать огородъ, садъ! Какое изобиліе разнообразнѣйшихъ плодовъ и овощей! Въ это время на базарахъ появляются груды яблоковъ, грушъ, сливъ, арбузовъ, тыквъ, дынь и всякихъ овощей, какихъ мы, сѣверные

жители, подчасъ и въ глаза не видали. Сколько всякихъ кушаній въ состояніи изготovitъ изъ нихъ искусныя малорусскія хозяйки! Сколько можно изготovitъ въ прокъ всякихъ вареній, наливокъ и прочей снѣди. Если у насъ на сѣверѣ эти хозяйственныя заготовки преимущественно соленыя или квашеныя, то въ Малороссіи рѣшительно преобладаютъ сладкія.

Не мудрено, если при изобиліи и разнообразіи плодовъ земныхъ малороссъ большой охотникъ вкусно и хорошо покушать. Какъ въ одеждѣ и въ убранствѣ дома онъ любитъ и привыкъ къ извѣстному комфорту, такъ и въ пищѣ онъ разбираетъ вкусное. Обиліе и разнообразіе деревенской кухни обнаруживается всего явственнѣе въ большіе праздники, среди которыхъ главное мѣсто принадлежитъ рождественскимъ, вѣроятно, потому, что для земледѣльцевъ это время наиболѣе свободное и пріятное. Работы осеннія закончились, запасы на зиму сдѣланы, а весеннія работы еще далеко. Въ это же время и въ природѣ наступаетъ поворотъ—солнце поворачиваетъ отъ зимы къ лѣту, дни начинаютъ становиться длиннѣе и свѣтлѣе. Въ давнія времена, когда главнымъ божествомъ южнорусскихъ хлѣбопашцевъ былъ Ярило, солнце, податель свѣта, тепла и погоды, отъ котораго зависѣлъ урожай, сложилось много праздничныхъ обычаевъ, которые упорно сохраняются до сихъ поръ, хотя духовенство издавна упорно преслѣдовало ихъ.

И въ обыкновенное время, если есть возможность малороссъ кушаетъ вкусно. Чистота и опрятность жилища—первое условіе, пріятно поражающее всякаго, посѣщающаго Малороссію впервые, а второе—это разнообразіе пищи, которую самая убогая хозяйка приготавливаетъ по крайней мѣрѣ два раза въ день. Даже въ

дорогѣ малороссѣ не согласенъ оставаться безъ горячей пищи, и если онъ остановился гдѣ-нибудь въ степи, то неизмѣнно тамъ уже вѣется дымокъ, и въ котелкѣ надъ огнемъ варится какая-нибудь снѣдь. Изобиліе птицы, рыбы и овощей позволяетъ разнообразить столъ. Ъда для малоросса дѣло въ высшей степени важное, которому онъ предается съ медлительной серьезностью. Обѣдающая или вечеряющая семья, особенно въ праздникъ, когда обычное настроеніе облекается какъ бы въ религіозную оболочку, это—картина и поэма въ одно и то же время. Вотъ какъ описываетъ бытописатель обычную трапезу въ бѣдной, но гостепріимной семьѣ. „Ужинъ былъ уже приготовленъ, и грубая деревенская скатерть разостлана на дворѣ передъ порогомъ, на которой лежали ложки и куски хлѣба. Старикъ велѣлъ было вынести для меня „осланчикъ“ (скамеечку), но я поблагодарилъ, желая казаться какъ можно проще въ моихъ привычкахъ. Хозяйская дочь, посовѣтовавшись однако съ матерью, положила собственно передо мною чистое полотенце, исправляющее должность салфетки, тогда какъ для всѣхъ вообще служилъ одинъ ручникъ, какъ видно, бывшій уже въ употребленіи. Наконецъ всѣ мы усѣлись за столъ или вѣрнѣе за скатерть, кому какъ удобнѣе: старикъ, старуха, я между ними, потомъ сынъ ихъ съ женою, двѣ дочери послѣдняго, взрослыя дѣвушки, и вдова—дочь стариковъ, живущая у нихъ въ домѣ. Послѣдняя съ одной изъ дѣвушекъ преимущественно прислуживали. Первою обязанностью мужчинъ было снять шапки, потому что крестьянинъ нашъ ни въ какомъ случаѣ не дозволить себѣ сѣсть за обѣдь въ шапкѣ, даже въ дорогѣ; подкрѣпляя силы, онъ снимаетъ этотъ головной уборъ, считая неприличнымъ ѣсть „святой хлѣбъ“ съ покрытой головою. Старикъ велѣлъ же-

нѣ „почаствовать“ (попотчивать) гостя.—Охъ лишенько, я й забула! вскрикнула старушка, отправилась въ хату и вынесла разрисованный штофѣкъ, какіе преимущественно продаются въ Кіевѣ на Подолѣ, и такую же небольшую чарку... Выпили старикъ, старуха, сынъ ихъ и жена послѣдняго; вдова отказалась, дѣвушкамъ не предлагали... Наконецъ передъ нами поставили двѣ миски дымящейся ухи, пріятнаго запаха, со свѣжей рыбой. Дѣвушки тотчасъ же вытащили ложками рыбу въ особую миску, и мы начали ужинъ такой вкусной ухой, какой давно уже не случалось отвѣдывать. Она приготовлена была просто на водѣ съ небольшимъ количествомъ луку и нѣсколькими зернами перцу. Хлѣбъ лежалъ большими ломтями, свѣжій и хорошо выпеченный. Когда убрали уху, которую два раза „подсыпали“ (подливали), къ срединѣ придвинута была разварная рыба, успѣвшая уже простынуть. за рыбой послѣдовала молочная каша, которая немного отзывалась дымомъ; но это качество, показавшееся бы противнымъ гастроному, для меня имѣетъ особую пріятность на свѣжемъ воздухѣ... Наконецъ всѣ встали, помолились, и каждый членъ семейства выразилъ свою благодарность старикамъ; я тоже сказалъ послѣднимъ свое спасибо.

— Богу! было отвѣтомъ старика и старухи. Это малорусскій лаконизмъ. Здѣсь подразумѣвается: „меня дякувать нізащо, дякуйте Богу“. 1)

Особенной торжественностью отличается праздничная трапеза. Такъ, оканчивая Филипповъ постъ наканунѣ Рождества, даже самая убогая хозяйка хлопочеть о приготовленіи роскошнаго по своему состоянію ужина. Канунъ Рождества называется „святъ вечірѣ“. Кромѣ обыч-

1) Аванасьевъ-Чужбинскій, «Поѣздка въ южную Россію».

ныхъ блюдъ въ это время готовятъ ячменную или пшеничную „кутью“, т. е. кашу, и „узварь“—сладкій супъ или компотъ изъ сушеныхъ фруктовъ. Едва засвѣтитъ на небѣ робкимъ свѣтомъ первая звѣзда, семья собирается въ хату, мѣняетъ бѣлье, надѣваетъ праздничное платье и приглашаетъ кого-нибудь изъ родныхъ, а то и просто бѣднаго или убогаго человѣка. Торжественно и степенно накрываютъ на столъ, соблюдая старыя, большею частью, уже совершенно непонятныя обычаи. Затецливъ восковую свѣчу предъ образами, хозяйка настилаютъ на лавкахъ подъ ними сѣна, стараясь набрать такого въ которомъ побольше желтыхъ цвѣтовъ безсмертника, (иммортель). Когда изъ печи вынимаютъ узварь, кто-нибудь изъ старшихъ членовъ семьи беретъ какого-нибудь маленькаго хлопца за чуприну, „чтобы куры были хохлаты“. Пока хозяйка несетъ кутю и узварь къ столу, сидящіе спѣшаютъ вымолвить поговорку: „собъ кутя на пакуть, а узварь на базарь“, послѣ чего горшки выставляютъ въ передній уголь. Затѣмъ хозяинъ выходитъ на порогъ сѣней или отворяетъ окно и зоветъ морозъ ужинать: „морозе, морозе, иди до насъ куті істи, та не поморозъ нашої гречки.“ Только выполнивъ эти обряды, собравшіеся приступаютъ къ ужину. Ъдятъ долго, медленно и торжественно множество блюдъ, которыя заканчиваютъ узваромъ, а потомъ кутей съ медовою сытой.

Земледѣльцы, успѣшная работа которыхъ такъ сильно зависитъ отъ природы, вообще бываютъ религіозны, т. е. строго соблюдаютъ не только обряды вѣроученія, но и всѣ тѣсно сросшіеся съ ними суевѣрные и иные обычаи, обломки давней старины. На Украинѣ приверженность къ религіи, набожность, усилилась еще по условіямъ исторической жизни: народъ мало-

русскій долго боролся за свою независимость подъ стягомъ православной вѣры, къ которой прилѣпился всѣми силами своей души. Набожность его, т. е. религиозное настроеніе, привычка чувствовать надъ собой силу, отъ которой зависитъ все земное благополучіе, свободно уживается въ малороссѣ съ вѣрою во всякую чертовщину, которая мерещится ему на каждомъ шагу. Сама природа Малороссіи,—чудныя, теплыя ночи, фантастическій видъ растительности подъ чернымъ пологомъ звѣзднаго неба, темныя зеркала недвижныхъ водъ въ рѣчкахъ и прудахъ, обрамленныхъ стѣнами высокихъ камышей—все настраиваетъ человѣка на мечтательный ладъ и будить въ немъ чувства таинственнаго и страшнаго. Вслѣдствіе болѣе теплаго климата и степного характера мѣстности, люди въ Малороссіи чаще проводятъ ночи внѣ дома среди природы, подвергаясь таинственнымъ впечатлѣніямъ ночной жизни ея. Немудрено, если уцѣлѣвшія отъ вѣка вѣрованія поддерживаются въ душѣ и продолжаютъ жить рука объ руку съ началами новой вѣры. Суевѣрія распространены въ Малороссіи куда шире, чѣмъ на остальной Руси, и не только въ простомъ народѣ, но и среди малообразованныхъ козаковъ и мелкихъ помѣщиковъ. У насъ среди сонма разныхъ духовъ первое мѣсто принадлежитъ домовому и лѣшему, между тѣмъ какъ у малороссовъ „дідько“ и „лисунъ“ играютъ сравнительно скромную роль, а впередъ выступаетъ самъ чертъ, въ видѣ довольно комичной и простоватой фигуры, котораго ничего не стоитъ провести. Затѣмъ слѣдуютъ вѣдьмы, которыхъ въ каждомъ селеніи насчитывается по нѣскольку. Онѣ раздѣляются на природныхъ и ученыхъ. Природная получаетъ свои знанія по наслѣдству и, согласно повѣрью, рождается съ хво-

стомъ. Эти вѣдьмы не отличаются злобой, какою народъ надѣляетъ ученую вѣдьму, изучившую это ремесло по случаю. Вѣдьма, кромѣ того, что доить по ночамъ чужихъ коровъ, портитъ ихъ по злобѣ на сосѣдку. Она можетъ принимать на себя образъ животнаго, кошки, собаки, свиньи, или неодушевленнаго предмета: клубка, колоды. При своихъ ночныхъ продѣлкахъ вѣдьмы ходятъ въ однѣхъ рубахахъ, распустивъ волосы, въ какомъ видѣ ихъ и наблюдаютъ разные люди, возвращающіеся ночью домой навеселѣ. Подгулявшій парубокъ бредетъ ночью домой въ такомъ состояніи, когда глаза принимаютъ одинъ предметъ за другой. Воображеніе его настроено пугливо подъ наплывомъ под-сказываемыхъ памятью рассказовъ. Парню чудится, что подъ ногами у него катается черный клубокъ. Въ испугѣ онъ кидается въ сторону и натывается на какую-нибудь мирную свинью и мчится съ мыслью, что вотъ-вотъ печистая сила вскочитъ ему сзади на плечи. Многія убогія бабы, не имѣющія коровъ, пользуются суевѣрной вѣрой въ вѣдьмъ и дѣйствительно ходятъ по ночамъ въ образѣ вѣдьмъ доить чужихъ коровъ. Рассказы о вѣдьмахъ, о „злой личинѣ“, какъ ихъ называютъ на Украинѣ, можно слышать чуть ли не въ любомъ селеніи. Вѣдьма носится по воздуху. Помазавъ себѣ подъ мышками волшебной жидкостью, она вылетаетъ въ трубу на помелѣ, на ступѣ, на лопатѣ, похищаетъ мѣсяцъ и звѣзды, снимаетъ росу, отъ чего случается засуха. Если на нивѣ изъ пучка соломы сдѣланъ заломъ или закрутка, это дѣло рукъ вѣдьмы, и надо искать знахаря, который одинъ безнаказанно можетъ развязать его. Вѣдьмы сосутъ кровь изъ дѣвушекъ, насылаютъ болѣзни, а также крадутъ некрещеныхъ младенцевъ, замѣняя ихъ „одміною“,

т. е. своимъ дѣтищемъ, которое отличается уродствомъ и прозорливостью, и вырастаетъ въ „вѣдьмака“ или въ вѣдьму. Старшая вѣдьма живетъ на Лысой горѣ подѣ Кіевомъ, куда всѣ онѣ слетаются разѣ въ годъ. По народному повѣрью вѣдьма умираетъ мучительно долго и даже не можетъ испустить духъ, пока надъ головой ея не прорубятъ потолокъ. Но и послѣ смерти она каждую ночь выходитъ изъ могилы и посѣщаетъ домъ свой. Души нѣкоторыхъ умершихъ также блуждаютъ по ночамъ. Ихъ называютъ упырями (вампиръ). Мужчины „вовкулаки“ играютъ также не малую роль въ народныхъ повѣрьяхъ. Вовкулакъ обладаетъ способностью не только самъ обращаться въ волка, но превращать въ него и другихъ людей. Нерѣдко можно слышать рассказы, какъ вовкулакъ превратилъ въ стаю волковъ цѣлый свадебный поѣздъ. Однажды охотники будто бы убили нѣсколькихъ волковъ, и когда начали снимать съ нихъ шкуры, то нашли подѣ ними „рушницы“, т. е. полотенца, какими повязываются участники свадебной процессіи. Хотя рѣдко, но и теперь еще бываютъ случаи расправы озлобленныхъ сельчанъ съ предполагаемой вѣдьмой, которую для испытанія кидаютъ въ воду: если несчастная при этомъ всплываетъ, то это принимается за несомнѣнное доказательство ея ремесла.

Въ болѣе поэтичные образы народная фантазія облакаетъ русалокъ и мавокъ. Въ русалокъ обращаются дѣвушки утопленницы. Онѣ живутъ въ водѣ, имѣютъ длинные зеленые волосы и выходятъ ночью на берегъ грѣться на мѣсяцѣ. Мавки—души дѣтей, умершихъ некрещеными. Это дѣти или дѣвушки съ длинными волосами и въ бѣлыхъ сорочкахъ. Своимъ пѣніемъ русалки привлекаютъ людей и щекотятъ ихъ до смерти. Онѣ особенно опасны въ Троицкую зеленую недѣлю, такъ какъ

Троицынъ четвергъ — „мавскій великдень“. Въ это время дѣвушки опасаются купаться, „щобъ мавки не залоскотали“.

Кромѣ того существуютъ еще „злідні“, маленькія существа неопредѣленной фѳормы. Въ домѣ кого они заведутся, какъ бы ни былъ богатъ хозяинъ, онъ непременно разорится.

Наконецъ и неодушевленная природа оживаетъ въ суевѣрномъ воображеніи малоросса. Такъ въ ночь на Ивана Купала деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и ведутъ разговоры. Въ эту ночь травы и роса пріобрѣтаютъ цѣлебную силу, и цвѣтеть папоротникъ.

Кто знаетъ таинственный способъ сорвать его, тотъ овладѣваетъ даромъ находить клады. Кладовъ въ Малороссіи, благодаря разнымъ перипетіямъ ея бурной исторіи, зарыто не мало; недаромъ многіе курганы раскопаны такими кладоискателями, прежними и нынѣшними. Около кладовъ сложились цѣлыя легенды, въ которыхъ главную роль играетъ непременно нечистая сила.

Подобно всѣмъ этимъ вѣрованіямъ остаткомъ ветхой старины является обычай прибѣгать для борьбы съ нечистой силой къ „чарівникамъ“ и „чарівницамъ“ къ „чаглунамъ“, т. е. къ знахарямъ и знахаркамъ, къ которымъ переходятъ по наслѣдству уцѣлѣвшіе отъ временъ язычества заговоры и другіе приемы борьбы человѣка съ враждебными ему таинственными существами изъ міра духовъ. Оттого и всѣ праздники, которые послѣ крещеніи Руси получили христіанскій характеръ, пропитаны старинными, уже потерявшими смыслъ обрядами. Во многихъ мѣстахъ ихъ еще свято исполняютъ, но постепенно, подъ вліяніемъ городской жизни и большаго просвѣщенія народа, старина со

всѣми ея любопытными обычаями исчезаетъ. Если въ Маллороссіи уцѣлѣло больше языческихъ обрядовъ, то причину тому надо опять искать въ природѣ. Лѣто тамъ жарче, поэтому контрастъ между зимой и лѣтомъ разительнѣе. Яркое солнце, податель тепла и свѣта, ведра и урожая, больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе человѣка, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ туманы, дожди и сѣрая погода случаются чаще. Ночи, то темныя, какъ сажа, то озаренныя ослѣпительнымъ блескомъ серебряной луны, опять таки наводятъ человѣка на мысли о яркомъ, тепломъ свѣтѣ, отъ котораго просыпается радость въ душѣ, оживаютъ надежды и веселость, и о черномъ мракѣ, скрывающемъ въ себѣ предъ очами напуганнаго воображенія всѣ злыя и темныя силы. Естественно, что древнѣйшія вѣрованія въ духовъ умершихъ, поклоненіе и призываніе ихъ на помощь, постепенно развились у славянъ въ цѣлый рядъ темныхъ, враждебныхъ человѣку, и свѣтлыхъ, покровительствующихъ ему божествъ; во главѣ этихъ послѣднихъ стоитъ, конечно, солнце, небесный и земной огонь. Земледѣлецъ по самому роду своихъ занятій вѣчно слѣдитъ за солнцемъ. Онъ встаетъ съ солнцемъ и ложится съ нимъ; по нему онъ справляетъ время и располагаетъ всѣ свои занятія. Вмѣстѣ съ солнцемъ, когда сила его начинается съ приближеніемъ зимы меркнуть, земледѣлецъ готовится къ наступленію холодовъ. А когда солнце начинаетъ свѣтить ярче и посылать землѣ снопы своихъ живительныхъ лучей съ высокаго неба, онъ радуется и просыпается вмѣстѣ со всей природой для новой дѣятельности, которая снабдитъ его пищей и всѣмъ необходимымъ для жизни. Оттого и главные праздники, хотя носятъ христіанскія обозначенія, на дѣлѣ остались старыми и сохранили

свой древній языческой отгѣнокъ. Прежде праздновали зимній солноворотъ, т. е. время, когда солнце „поворачиваетъ на лѣто“, и дни начинаютъ удлиняться. Теперь этотъ праздникъ приуроченъ къ Рождеству, которое несомнѣнно протекаетъ въ Малороссіи оживленнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Это „коляды“ или „колядки“. Уже съ вечера 24-го декабря, который называютъ „багаті кутя“, „вилія“ или „коляда“, ряженая деревенская молодежь ходитъ по хатамъ съ бумажными фонарями или съ вертящейся свѣтлой звѣздой, которая называется „вертепъ“, и чувствуетъ хозяевъ пѣснями колядками. Ктонибудь въ этой толпѣ ряженыхъ обыкновенно одѣтъ козой и пляшетъ подъ музыку. Каждый хозяинъ даетъ имъ за это кусокъ сала, колбасу, паляницу, вообще чтонибудь съѣдобное. Вслѣдъ за молодежью идутъ колядовать артели взрослыхъ. Нерѣдко въ числѣ прочихъ колядокъ поются и шуточные, хотя и въ нихъ, какъ въ прочихъ, каждый куплетъ заканчивается припѣвомъ: „святій вечеръ“. Остаткомъ старины въ этихъ пѣсняхъ являются многія слова и выраженія. Такъ, если упоминается оружіе, то воспѣваютъ не ружье, а лукъ и стрѣлы; если говорится о деньгахъ, о монетахъ, то поютъ про „шелягъ“, монету временъ великаго князя Ярослава Мудраго.

Наканунѣ новаго года устраивается опять обильный ужинъ съ узваромъ, „богатый вечеръ“. Дѣти, молодежь, даже семейные люди ходятъ передъ вечеромъ „щедровать“, распѣвая пѣсни „щедрівки“. За каждымъ куплетомъ этихъ пѣсенъ слѣдуетъ припѣвъ: „щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрімъ людямъ на здорovie“. Здѣсь также составляются артели и избирается „міхоноша“, въ мѣшокъ котораго склады-

вають всѣ пожертвованные подарки въ видѣ съѣст-ного. Продавъ полученные запасы, молодежь угощается на вырученныя деньги, причемъ дѣло не обходится безъ горѣлки. Надо ли говорить, сколько въ это веселое время выкидывается всякихъ штукъ, сколько звонкаго смѣха слышится по улицамъ и закоулкамъ, какая идетъ возня въ кучкахъ разсыпавшейся по всему селенію веселой, деревенской молодежи!

Въ самый новый годъ мальчишки ходятъ по домамъ съ рукавицей, полной разныхъ хлѣбныхъ зеренъ. Они раскидываютъ зерна, подражая посѣву, и приговариваютъ: „на счастья, на здоровья, роди Боже жито, пшеницю и усяку пашницю! будьте здорови зъ Новимъ годомъ и зъ Василямъ“, а хозяева подбираютъ зерна и хранятъ ихъ до посѣва. 5-го января, наканунѣ Крещенія, бываетъ послѣдняя кутья, „голодная“, такъ какъ послѣ того до освященія воды люди не принимаютъ пищи, послѣ чего подается обѣдъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ и ужиномъ. По окончаніи трапезы хозяинъ выходитъ на дворъ „прогонять кутью“. Прежде для этого стрѣляли изъ ружья, а теперь довольствуются тѣмъ, что звонко ударятъ полѣномъ объ уголъ хаты.

Еще больше языческихъ обрядовъ сохранилось въ празднованіи масляницы. На этой недѣлѣ въ понедѣльникъ собираются бабы и пеленаютъ новорожденную масляницу, которую изображаетъ колодка, т. е. полѣно. Во вторникъ справляютъ „крестины“, а въ пятницу масляница умираетъ. Въ воскресенье молодежь „волочить колодку“. Этимъ заканчиваются зимніе праздники. Съ Пасхи начинаются „веснянки“. Паробки и дѣвчата водятъ хоробы и заводятъ разныя игры: „володарь“, „перепілочку“, „нелюбь“, представляющіе ухаживаніе молодца за дѣвицей. Наканунѣ

Юрьева дня (22 апрѣля) празднують „Красную горку“ или „Ляля“, т. е. чествуютъ языческаго бога весны Леля. Ляля представляетъ самая красивая дѣвушка. Ее убираютъ зеленью, цвѣтами и водятъ кругомъ нея хороводъ, а Ляля раздаетъ вѣнки, а также творогъ и масло. Весенніе праздники оканчиваются Троицкой недѣлей, называемой также „зеленой“, „русальной“.

Лѣтній солнворотъ представляетъ праздникъ „Купалы“ или „Марены“. Въ давнія времена накануне Иванова дня (24-го іюня) молодежь изготовляла два чучела—Купалы и Марены; ихъ убирали лентами, цвѣтами, зеленью и водили кругомъ нихъ хороводы. Въ сумеркахъ зажигали костры, и молодежь прыгала черезъ нихъ при пѣніи разныхъ обрядовыхъ пѣсенъ. При этомъ загадываютъ. Парень со своей подругой берутся за руки и, разбѣжавшись, прыгаютъ черезъ костеръ; если руки ихъ не разрознятся, значитъ, свадьба ихъ несомнѣнна, если же руки разойдутся—ихъ ожидаютъ препятствія. Когда догораютъ купальные огни, и народъ разоидется, тогда, согласно повѣрью, золу съ купальнаго костра берутъ вѣдьмы, отправляющіяся въ этотъ вечеръ на Лысую гору на шабашъ. Въ эту ночь вѣдьмы особенно злы, и для защиты отъ нихъ люди ставятъ на окнахъ крапиву, чтобы она „жалила“ вѣдьму въ случаѣ, если той придется въ голову забраться черезъ окно въ хату. Кромѣ этихъ праздниковъ молодежь устраиваетъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время „вечорниці и досвѣтки“, соотвѣтствующія нашимъ великорусскимъ посидѣлкамъ. Съ наступленіемъ теплыхъ дней, стало быть, послѣ масляницы увеселенія эти переносятся на вольный воздухъ и называются „вулиці“.

Дѣвушки пользуются большой свободой. Здѣсь у

Извѣстный украинскій кобзарь Остапъ Вересай, скончавшійся
въ 1885 году.

родителей не въ обычаѣ присматривать за ними, и не случается, чтобы въ разгарѣ веселья на „вулицѣ“ появилась какая-нибудь строгая мать, которая съ упреками и съ разными суровыми выраженіями гонить дочерей домой, что нерѣдко приходится наблюдать въ нашихъ деревняхъ. Также и парубки меньше испытываютъ на себѣ гнетъ отцовской власти. Въ этомъ сказывается одна изъ отличительныхъ чертъ малорусскаго характера по сравненію съ великорусскимъ—болѣе широкая свобода личности, которую не тяготитъ семейный и бытовой строй. Обыкновенно молодыхъ не стѣсняють и при вступленіи въ бракъ. Это веселое событіе сопровождается всякими обрядами и происходитъ подъ неумолкающія звуки пѣсенъ, шутокъ и прибаутокъ.

„Предварительно родные жениха,—описываетъ сватовство одинъ бытописатель ¹⁾, — положимъ, мать и сестра, взявъ съ собою хлѣбъ и соль, отправляются къ родителямъ неvěсты. Входятъ, помолятся. Начинается свѣтскій—въ деревенскомъ смыслѣ—разговоръ. Мать жениха тотчасъ же и говоритъ:

— А что, люди добрые, спросите насъ—зачѣмъ мы пришли къ вамъ?

— Говорите—послушаемъ—отвѣчаетъ мать неvěсты.

— Что если бъ намъ Богъ помогъ то получить, чего мы пришли у васъ просить.

— Коли съ Богомъ пришли, то Богъ и поможетъ—отвѣчаютъ родители неvěсты.

— Коли бъ Богъ помогъ нашему Ивану да заручить вашу Татьяну.

— Дай Богъ. А поди, доню (это къ дочери)—позови отца.

¹⁾ Д. Л. Мордовцевъ.

Дѣвушка приводитъ отца, а сама становится у печки и стыдливо колупаетъ печь.

— Ну старый—говорить мать—пришли наше дитя просить. Какъ думаешь—отдать имъ?

— А что-жь—отдать или не отдать—я и самъ не знаю. Спросимъ у людей, да и дѣвку тоже распытаемъ; а такъ, не спросивши добрыхъ людей... еще скажутъ... „на порогѣ де платки подавали“, да еще и смѣяться будутъ люди... Развѣ она у насъ переспѣла?

— Да что тутъ толковать,—возражаетъ сваха:—они молодежь то, ужъ стакнулись. Вонъ Иванъ нашъ всю правду открылъ: „идите, говоритъ, мамо; а я ужъ договорился—только вы идите скорехонько, чтобъ люди не помѣшали“.

А дѣвушка уже шмыгнула въ сѣни: стыдно слушать—„стакнулись“, говорятъ.—Мать зоветъ ее.

— Да гдѣ ты, Титяно! иди сюда! иди въ хату.— Дочь входитъ, конечно, вся пунцовая, и не поднимаетъ глазъ.—Такъ вотъ, доненько,—какъ твоя охота, а мы запрещать не будемъ—пусть Богъ помогаетъ.

— Спасибо, мамо,—говоритъ дѣвушка, кланяясь.

— Говори—любишь его и пойдешь за него?—Отвѣтъ на это не легко получается—стыдно сразу согласиться; еще люди скажутъ, что такъ сразу и обрадовалась.

— Любишь и пойдешь?—допытываются таки.

— Люблю—(точно клещами вырываютъ у нея слово, которое ей смерть какъ хочется сказать).

— Эге, дочка!—одобряетъ и ободряетъ ее сваха: я слава Богу, людина тихая да и недужная—тебя буду жалѣть.

— Добре—говоритъ отецъ.—Выпьемъ же, сваха, по чаркѣ—тогда и рѣчи найдутся. А ты, доню, пойдиди и принеси горілки.

Дѣвушка идетъ и, возвращаясь съ водкой, кричитъ въ дверь:

— Мамо! возьмите горілку, а я не войду въ хату: а то будете пить да обо мнѣ говорить; а мнѣ стыдно слушать.

Начинается угощенье.

Это называется „развидки“, „допитки“.

Дома женихъ спрашиваетъ: „А что, мамо, какъ вамъ сказали?“

— Да, какъ сказали?—Спасибо вамъ, дѣтки, что сами напередъ сговорились, а мы ужъ по готовому только горілки напились. Позвала сваха дочку и говоритъ: „какъ знаешь, донечко.“—А она—спасибо ей—такая выпла смѣленькая да веселенькая, хоть и молоденька еще, да и говоритъ: „Я люблю его, мамо, и пойду за него.—Такъ теперь, сынку, иди старость зови“.

Въ прежнія времена, если семья невѣсты не выказывала склонности выдать дочь, или та сама не хотѣла, свахѣ подносили или просто клали ей въ телѣгу гарбузь (тыкву), что означало отказъ. Если же все идетъ хорошо, то продолжаются дальнѣйшіе переговоры, въ которыхъ со стороны невѣсты и жениха участвуютъ разные лица. Окончательное соглашеніе происходитъ на „сговоринахъ“ „заручинахъ“, „рукоданіяхъ“. Обрядъ состоитъ въ томъ, что жениха и его товарищей перевязываютъ платками, а тѣ должны откупиться въ пользу невѣсты. Съ этого времени женихъ переходитъ на житье въ домъ невѣсты а если почему-либо откажется потомъ отъ вѣнчанья, то платитъ штрафъ за безчестье. Всѣ досвадебные и свадебные обряды совершаются въ общемъ въ такомъ же порядкѣ и чинѣ, какъ у великороссовъ, но, конечно, носятъ мѣстный колоритъ. Такъ звонкія и мелодичныя пѣсни положительно не умолкаютъ за все время цере-

моніи. Съ особеннымъ увлеченіемъ ихъ поють въ „дивичь-вечерь“, когда убирають „вильце“ или „гильце“, т. е. сосновую, яблонную, вишневую или черемуховую вѣтку—смотря по сезону—которую втыкають въ большой коровай и украшаютъ лентами, пучками барвинка, калины, цвѣтными лентами и свѣчами наподобіе рождественской елки.

Положеніе новобрачной рѣдко бываетъ такое же печальное, какъ это часто приходится наблюдать въ великорусской семьѣ, гдѣ „свекровь поѣдомъ ѣсть“, а „свекоръ, батюшка, по сѣничкамъ похаживаетъ, сердитый, по новымъ погуливаетъ, стучить, гремитъ, снохѣ спать не даетъ.“ Мѣстами даже сохранился древній обычай „понедилькованія“, по которому родители невесты выговариваютъ ей право пользоваться въ понедѣльникъ свободой, т. е. или работать на себя, или гулять. Точно также, и въ отношеніи имущества жена пользуется полной самостоятельностью: мужъ не можетъ ни продавать, ни закладывать „матерьцну“ (приданое жены).

Имущество семьи—земля, хата, волю, орудія и прочее,—заключаетъ, кромѣ „матерьцны“, „дідьцну“, т. е. все, что перешло по наслѣдству отъ дѣда и отца, и то, что хозяинъ приобрѣлъ въ теченіе жизни на собственные средства („батьківщина“). Хозяинъ воленъ распоряжаться по своему усмотрѣнію только послѣдней частью. „Дідьцну“ онъ не можетъ продать, въ крайнемъ случаѣ обычай представляетъ ему право „заставить“ ее, т. е. заложить. Когда подростаютъ сыновья, отецъ отдѣляетъ имъ ихъ часть „дідьцны“, обыкновенно поровну каждому, также раздѣляется „батьківщина“ послѣ смерти хозяина. Дочери получаютъ свои доли только въ томъ случаѣ, если нѣтъ сыновей. Сестры живутъ при братьяхъ до замужества, и обычай

требуетъ, чтобы братъ надѣлилъ сестру приданымъ. Это приданое, „скриня“, готовится въ семьѣ для каждой дочери особо и состоитъ обыкновенно изъ одежды—бѣлья, платья, обуви и денегъ. „Худобъ“, т. е. платье, заготовляетъ мать, отецъ даетъ деньги, иногда клочекъ земли, а родственники дарятъ въ день свадьбы домашнюю птицу, скоть, иногда землю, смотря по состоянію. Власть хозяина и хозяйки въ семьѣ надъ дѣтьми далеко не имѣетъ вида того суроваго деспотизма, какой наблюдается въ великорусской семьѣ. У великоруссовъ, особенно въ прежнія патріархальныя времена или въ старозавѣтныхъ купеческихъ семьяхъ, также въ глуши, куда не проникали вѣянья городской жизни, власть „большака“ тяготѣла надъ всей семьей, воля его руководила всѣмъ хозяйствомъ. Молодое поколѣніе не имѣло ни въ чемъ опоры противъ этого семейнаго деспотизма, причинявшаго неисчислимыя бѣдствія и часто совершенно губившаго судьбу молодого человѣка или дѣвушки. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, въ литературѣ („Гроза“ Островскаго) жалоба на безпощадный гнетъ старшихъ надъ младшими составляетъ главный сюжетъ. Сына женятъ насильно на немилой, дочь выдаютъ противъ склонности ея замужъ, мужъ мучитъ жену, свекровь—невѣстку. Ссоры несчастья, преступленія и гибель сопутствуютъ этой ужасной семейной обстановкѣ, которая потеряла всякій смыслъ существованія. Въ Малороссіи, гдѣ во владѣніи земель и имуществомъ преобладало не общинное начало, а личная собственность, если и существовали тѣ-же грустныя явленія, то въ гораздо болѣе слабой степени. Личность человѣка не страдала отъ такихъ издѣвательствъ надъ собой. Потому ли, что возлѣ простиралась вольная степь, куда можно было уйти

козаковать или чумаковать, или же потому, что каждый имѣеть право распоряжаться свободно своимъ имуществомъ, не подчиняясь волѣ общины, „міра“, только малороссъ чувствуетъ себя въ качествѣ личности гораздо свободнѣе, чѣмъ великороссъ. Это чувствуется на каждомъ шагу. Здѣсь, напримѣръ, совершенно не принято говорить „ты“: всѣ обращаются другъ къ другу на „вы“, если, конечно, не состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ сношеніяхъ съ барининомъ, съ чиновникомъ малороссъ держитъ себя, если и почтительно, то не раболѣпно, за исключеніемъ населенія тѣхъ губерній по ту сторону Днѣпра, которыя до конца оставались подъ польскимъ вліяніемъ, и гдѣ жители были сильно забиты польскими панами. Большая свобода личности среди малороссовъ проявлялась прежде въ многочисленныхъ союзахъ, братствахъ и товариществахъ, существовавшихъ какъ среди горожанъ, такъ и въ селеніяхъ, въ которыхъ каждый членъ былъ равноправенъ съ другими. Лучшимъ выраженіемъ этого духа равенства и свободы являлось знаменитое „товариство“ войска запорожскаго. Сколько столѣтій существовала Сѣчь, въ которой кошевой и всѣ войсковые чины являлись выборными и могли быть смѣщены въ любое время, и тѣмъ не менѣе, при добровольномъ подчиненіи каждаго общей волѣ и общему порядку, нигдѣ человекъ не чувствовалъ себя столь легко и свободно, какъ въ нѣдрахъ „войска“.

Остатки всякаго рода „братствъ“, союзовъ и тому подобныхъ обществъ сохранились кое гдѣ до сихъ поръ. Такъ напр., въ деревняхъ и сейчасъ еще существуютъ „порубоцтва“, т. е. союзы холостой молодежи, парубковъ. Въ это общество вступаетъ съ согласія родителей каждый парубокъ по минованіи 16-17 лѣтънаго

возраста, если только его старшій братъ не состоитъ въ парубкахъ. Парубки считаются равноправными товарищами и въ случаѣ какой-нибудь общей работы или занятія выбираютъ атамана. Это бываетъ напр., когда парубки отправляются колядовать. Часто парубоцтво имѣетъ даже свою хоругвь. Оно пользуется общимъ признаніемъ и располагаетъ разными правами, главнымъ образомъ въ дѣлѣ устройства увеселеній и всего, что съ ними связано. Въ этомъ случаѣ парубоцтво нѣсколько напоминаетъ корпораціи нѣмецкихъ студентовъ. Обрядъ пріянія новаго члена въ парубоцтво сопровождаются могарычемъ и называется „коронуваньемъ“.

Большая свобода личности среди украинскаго народа связана конечно съ большимъ уваженіемъ и признаніемъ ея правъ.

Оттого въ отношеніяхъ между людьми на Украинѣ меньше грубости, меньше проступковъ противъ общественной нравственности. Въ то время, какъ среди русскаго простонародья брань и неприличныя, грубыя выраженія составляютъ уже давно необходимое украшеніе рѣчи, въ Малороссіи подобное обращеніе является болѣе или менѣе зазорнымъ, составляетъ обиду, которую малороссъ при своей мстительности не легко спускаетъ и долго таитъ въ душѣ. Бранное слово малороссъ замѣняетъ гораздо болѣе острымъ оружіемъ—юморомъ, насмѣшкой, которая при свойственной ему медлительности и спокойствіи пріобрѣтаетъ особенную соль. Медлительность въ движеніяхъ, о которой уже была рѣчь въ началѣ главы, сопровождается у малоросса медлительностью душевныхъ чувствованій и мысли. Въ этомъ случаѣ малороссъ куда флегматичнѣе своего впечатлительнаго великорусскаго собрата. Въ

то время, какъ великоруссъ обыкновенно сперва чувствуетъ, а потомъ думаетъ, вслѣдствіе чего часто попадаетъ впросакъ и чешетъ затылокъ („заднимъ умомъ крѣпокъ“), когда уже поздно поправить сдѣланное, флегматичный малороссъ сперва раскидываетъ умомъ, а потомъ приступаетъ къ дѣйствию. Это позволяетъ ему имѣть всегда перевѣсъ въ словесномъ состязаніи, побивать противника словцомъ, но зато тамъ, гдѣ требуется постоянная быстрота дѣствий, малороссъ пасуетъ передъ великороссомъ, какъ напр., въ торговлѣ и промышленной дѣятельности. Если великороссу сплошь и рядомъ приходится раскаиваться въ томъ, что поспѣшилъ, не сообразивши какъ слѣдуетъ дѣла, то малороссу столь же часто бываетъ обидно за то, что онъ слишкомъ долго смекалъ и опоздалъ приступить во время къ дѣлу. Немалая доля свойственной малорусскому характеру лѣни замѣтно проявляется въ его рѣчи, которая нерѣдко только выигрываетъ отъ такого лаконизма въ своемъ юморѣ. Ему лѣнь говорить, и потому онъ говоритъ коротко. Подобный лаконизмъ обычное явленіе. Встрѣчаются, напр., два хохла на большой дорогѣ. „Бувъ на ярмарку? — спрашиваетъ одинъ. — „Эге.“ — „Продавъ волі?“ — (машетъ рукой). — „А де-жъ гроши?“ — „Овва!“ — „Пропивъ?“ — (нѣтъ отвѣта). И разговоръ конченъ. Наряду съ отрывочностью и лаконизмомъ чрезвычайно распространена рѣчь обиняками, уклончивость, проистекающая отъ другого свойства малорусскаго характера — отъ скрытности и хитрости. Малороссъ не любитъ прямого и рѣшительнаго отвѣта. Спросите, напр., крестьянина, снаряжающаго возъ съ очевиднымъ намѣреніемъ ѣхать на ярмарку, поѣдетъ ли онъ туда? онъ непременно отвѣтитъ вамъ: „може й поїду.“ Если онъ не знаетъ навѣрно, какъ

будеть принято его мнѣніе, то прибѣгаетъ къ иносказательности. Какъ-то одинъ крестьянинъ былъ посланъ своимъ помѣщикомъ въ Орловскую губернію къ родственникамъ этого помѣщика. Грыцьку тамъ очень не понравилось, но когда помѣщикъ спросилъ его по возвращеніи, хорошо ли тамъ, Грыцько уклонился отъ прямого отвѣта.

— Та бачите, добродію, воно-бъ то и тее, а у тімъ хто іаго зна якъ и казать.

— Така кажи просто.

— Бачита, пане, якъ уїздивъ я у свою гряницю, ажъ дивлюсь, туди у Орловську губернію, біжить собака, такъ я кинувъ на іого грудку тай кажу. Тю-тю на дурний! Чого ти тамъ не бачивъ!

Слѣпой пѣвецъ на базарѣ (Полтавской губ.).

Знаменитый украинский поэт Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Глава V.

Украинский языкъ и литература въ жизни народа.

Описывать украинскихъ крестьянъ, ихъ характеръ, бытъ и оставить въ сторонѣ другихъ обитателей края казалось бы неправильнымъ. Вѣдь въ Малороссіи не мало большихъ городовъ, вродѣ Кіева, Харькова, гдѣ много народа, принадлежащаго къ разнымъ сословіямъ и вовсе не занимающагося земледѣліемъ. Тамъ живутъ купцы, духовенство, чиновники, люди разныхъ вольныхъ профессій—врачи, учителя, адво-

каты. Интересно было бы знать, какъ протекаетъ ихъ жизнь? такъ же ли, какъ въ нашихъ столичныхъ и захолустныхъ городахъ, или иначе? Навѣрное, есть же малорусскій театръ, малорусская школа, литература, есть, вообще, дѣятельность, которая имѣетъ мѣстное значеніе и направлена на достиженіе своихъ украинскихъ цѣлей, на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей и нуждъ. Не можетъ быть, чтобы люди, живущіе, напр., въ Кіевѣ или въ Кіевской губерніи, жили, т. е. думали, чувствовали и дѣйствовали совсѣмъ такъ же, какъ люди, живущіе въ Москвѣ или въ Кааани, или въ Иркутскѣ?

На дѣлѣ, однако, это такъ или почти такъ. Въ то время какъ въ малорусскихъ губерніяхъ три четверти сельскихъ жителей представляютъ украинцевъ, а остальные — евреи, поляки, великороссы, въ украинскихъ городахъ малороссовъ въ сущности мало, часто меньше половины. Во многихъ изъ нихъ, какъ напр. въ Кіевѣ, большую часть жителей составляютъ великороссы. Дальше къ западу, въ Волинской и Подольской губерніяхъ среди высшихъ сословій очень много поляковъ. Въ то время, какъ города восточной Малороссіи, напр., Полтава, Харьковъ, Черниговъ, вообще мало чѣмъ отличаются по внѣшнему виду и по складу жизни ихъ обитателей отъ другихъ городовъ степной Россіи, мѣстечки и города западной Малороссіи носятъ совсѣмъ другой отпечатокъ, именно польскій. Здѣсь часто въ серединѣ города или возлѣ него возвышаются развалины древняго замка какой нибудь-знатной польской фамиліи; вмѣсто православныхъ церквей съ маковками въ видѣ луковицъ—католическіе костелы; самые дома, улицы, вывѣски, весь внѣшній видъ города или мѣстечка напоминаетъ характеръ польскихъ или австрій-

скихъ городовъ. Чего-нибудь такого, что можно было бы назвать малорусскимъ, здѣсь не встрѣчается, кромѣ развѣ малорусской одежды и говора простолюдиновъ гдѣ-нибудь на базарѣ или на пристани. Въ школахъ въ Малороссіи учатъ на русскомъ языкѣ, въ книжныхъ лавкахъ и лавченкахъ только въ послѣднее время появились книжки на малорусскомъ языкѣ, прежде ихъ почти совсѣмъ не было. Однимъ словомъ, въ жизни высшихъ сословій и городскихъ жителей можно наблюдать черты общерусскихъ или польскихъ нравовъ, и очень мало малорусскихъ. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, какъ будто громадный, многолюдный народъ малорусскій состоитъ изъ однихъ крестьянъ... Одно изъ большихъ несчастій Украины именно и заключалось всегда въ томъ, что люди ея высшихъ сословій, изъ которыхъ прежде обыкновенно выходили народные дѣятели, измѣняли своему народу. Въ прежнія времена малорусское дворянство ополячивалось до такой степени, что смотрѣло на простой народъ, какъ на какое то особое, чуждое и низшее племя, удѣлъ котораго тяжкій трудъ. И до сихъ поръ въ западной Украинѣ положеніе это мало измѣнилось.

Когда вся почти Малороссія вошла въ составъ русской имперіи, дворяне ея или оставались по духу поляками или стали русъть. Духовенство испытало подобную же перемѣну. Въ западной Малороссіи (особенно въ Галиціи, въ Австріи) оно стало униатскимъ, а въ восточной духовныя лица потеряли прежнее вліяніе на простой народъ. Нѣкогда, въ козацкія времена, когда украинцы бились за свободу и за вѣру, бились не однѣми саблями и ружьями, но и духовнымъ оружіемъ, духовенство малорусское, не желая уступать своимъ противникамъ въ просвѣщеніи, дѣятельно участвовало

въ народномъ движеніи. Оно употребляло большія усилія, чтобы спасти народъ отъ невѣжества и дать ему въ руки оружіе для борьбы съ наплывомъ польскаго католическаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью, чтобы не отстать въ учености отъ соперниковъ, оно само училось. Когда Малороссія была присоединена къ Россіи, гдѣ въ петровскую эпоху потребовались въ числѣ другихъ просвѣщенныхъ людей образованные духовные, малорусское духовенство, подобно дворянству, отворотилось отъ украинскаго народа. Такимъ образомъ этотъ несчастный народъ, покинутый въ самые тяжелые моменты своей жизни „лучшими людьми“, какъ прежде называли людей образованныхъ сословій, постепенно закрѣпощаемый и лишаемый вольностей, сталъ впадать въ ужасное невѣжество. Языкъ, на которомъ говорила одна деревенщина, хлопы, „черный“, или „подлый“ народъ, стали презирать, на немъ перестали писать; старинные обычаи и нравы были заброшены высшими сословіями, какъ примѣты грубаго и низкаго происхожденія; пѣснѣ, преданія и рассказы предавались забвенію. Подобно тому какъ малорусскую одежду смѣнила французская и нѣмецкая, малорусскій языкъ—русскій или французскій, такъ и литература и наука исчезла съ Украины и замѣнилась у образованныхъ людей, въ одной части страны польскою литературой, въ другой—великорусскою. Казалось, народъ украинскій былъ обреченъ на то, чтобы потерять свою народность, т. е. превратиться постепенно въ Австрію и на Подолѣ съ Волиніей въ поляковъ, въ остальныхъ мѣстахъ—въ великороссовъ. Такъ оно и случилось бы, если бы малорусскій народъ былъ менѣе многочисленъ. Современемъ, черезъ много сотенъ лѣтъ, люди на всей землѣ сдѣлаются, вѣроятно, одинаковыми, т. е. усвоятъ

мирными путями одинаковую культуру. Но пока этого нѣтъ, бываетъ очень важно, чтобы каждый народъ сохранилъ и развилъ такія свои особенности, которыя необходимы ему и современемъ могутъ оказаться полезными всѣмъ. Нечего доказывать, что всякій народъ легче усваиваетъ просвѣщеніе, если онъ принимаетъ его своими средствами и въ знакомой обстановкѣ. Такъ напр. украинскій народъ легче научится грамотѣ и другимъ наукамъ, если въ школахъ будутъ обучать на родномъ его языкѣ, если книги, газеты и журналы онъ сможетъ читать по-малорусски.

Обыкновенно каждый народъ какъ бы чутьемъ понимаетъ эту истину и, въ случаѣ, если его собираются лишить этихъ благъ силой или хитростью, упорно цѣпляется за свое родное и разстается съ нимъ только послѣ жестокой борьбы. Если еще бьется въ немъ живая кровь, теплятся еще проблески своей особенной жизни, народъ какъ бы затаиваетъ въ себѣ свои сокровища, хотя нерѣдко перестаетъ даже понимать цѣну ихъ. Многіе славянскіе народы, затерянные среди нѣмцевъ, сохранили свою національность—напр., чехи. Какъ ни тяжело было рабство и невѣжество украинскаго народа въ концѣ VIII и началѣ XIX в., но такой многолюдный и великій по своему прошлому народъ не могъ въ короткое время лишиться своихъ особенностей, т. е. утратить національность. Лишившись образованных сословій, украинскій народъ тѣмъ не менѣе сохранилъ свое самое дорогое сокровище. Онъ запряталъ его глубоко въ себѣ и свято хранилъ, пока среди него не появились новые люди, новые просвѣтители, которыхъ не соблазняла чужая, блестящая, но пустая новизна. Этими сокровищами Украины, отъ прикосновенія къ которымъ замерцалъ сперваробкій свѣтъ, разгорающійся,

чѣмъ далѣе, тѣмъ все сильнѣе, оказались малорусскій языкъ и народная литература, т. е. пословицы, сказки, преданія и пѣсни. На первый разъ кажется страннымъ, что можетъ быть цѣннаго въ подобныхъ обломкахъ старины, сохранившихся въ рукахъ грубаго простонародья. Почему отъ прикосновенія къ этому талисману происходитъ возрожденіе народнаго духа, т. е. появляются люди, назначеніе которыхъ помочь народу освободиться отъ его тяжкаго положенія? На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ непонятно. Въ сказкахъ и въ пословицахъ, въ пѣсняхъ народъ выражаетъ самого себя, и всякій, знакомясь съ ними, легко можетъ понять, какъ народъ думаетъ, что онъ любитъ и цѣнить, какіе его вкусы и склонности, въ чемъ заключаются его страданія и какія таятся въ немъ надежды.

Если изслѣдователь этой скрытой народной мудрости самъ проникнется ею, пойметъ, какъ народъ чувствуетъ и думаетъ, чего онъ желаетъ, то въ своемъ стремленіи оказать просвѣщенную помощь ему, такой человѣкъ неизбежно заговоритъ понятнымъ народу языкомъ и заговоритъ напрямѣнно о томъ, о чемъ думаетъ и мечтаетъ, изъ-за чего страдаетъ самъ народъ. Между просвѣтителемъ и просвѣщаемымъ быстро устанавливается взаимное повиманіе, а это именно и необходимо для успѣха дѣла. Долгое время сокровища украинской народной поэзіи лежали подъ спудомъ, постепенно теряясь, блѣднѣя, предаваемые забвенію. Пренебреженіе къ малорусской народности дошло до того, что сосѣди потеряли даже память о ней: поляки, забывъ тяжкія времена „руины“, стали смотрѣть на украинцевъ, какъ на вѣтвь польскаго народа. Въ 1830 г., когда Польша возсталась, польскіе помѣщики не сомнѣвались, что украинскій народъ подыметъ какъ одинъ человѣкъ за

одно съ ними противъ русскихъ притѣснителей, въ чемъ, конечно, горько ошиблись. Русскіе, съ своей стороны, впади въ такое же заблужденіе: по невѣжеству тогдашнихъ изслѣдователей, вродѣ пресловутаго грамматика Греча, малороссовъ чаще причисляли къ полякамъ, а малорусскій языкъ считали нарѣчіемъ польскаго. Съ другой стороны русское правительство въ стремленіи своемъ подчинить украинцевъ общему порядку и подавить въ немъ всякіе проблески какой-либо самостоятельности закрѣпощало на Украинѣ православный мало русскій народъ католическимъ польскимъ помѣщикамъ, а эти послѣдніе, способствуя окатоличенію народа, нисколько не сомнѣвались, что этотъ народъ питаетъ приверженность къ Польшѣ и ненавидитъ Россію. Результатомъ всего этого явилось то, что украинскій народъ проникся ненавистью какъ къ польскимъ и въ лицѣ ихъ ко всякимъ панамъ, со стороны которыхъ встрѣчалъ одни притѣсненія, такъ и къ „москалямъ“. Но никакія насилія не могли уничтожить въ короткое время историческое достояніе украинскаго народа,—его языкъ и самобытныя возрѣнія на самого себя, которыя сохранялись въ остаткахъ народной литературы и музыки, въ обычаяхъ и преданіяхъ старины.

Малорусскій языкъ не есть особый языкъ. Сколько бы въ немъ ни было словъ и даже оборотовъ, заимствованныхъ изъ польскаго, изъ русскаго, даже изъ татарскаго *), но звуковыя особенности его настолько сходны съ русскимъ, что языкъ украинцевъ считается за особое нарѣчіе общерусскаго языка, такое же самостоятельное, какъ наше великорусское нарѣчіе. Различія между

*) Самое слово „козакъ“ татарское.

ними не такъ велики, чтобы великороссъ и малороссъ не понимали другъ друга. Возьмемъ ли мы пѣсню, сказку или думу малорусскую, каждое изъ этихъ произведеній окажется намъ понятнымъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ словъ. Точно также и малороссъ легко понимаетъ русскую рѣчь.

Для примѣра приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ украинскаго народнаго творчества изъ разныхъ областей страны, въ которыхъ, кромѣ знакомства съ звуками и оборотами украинскаго нарѣчія, не трудно уловить тѣ особенности народнаго духа, которыя особенно хорошо выражаетъ этотъ языкъ, именно чувствительность (сантиментальность), юморъ и слишкомъ точное изображеніе дѣйствительности (реализмъ).

Чумацкая пѣсня. *)

Ой у полі криниченька—
 З неї вода протікає,
 Ой там чумака молоденький
 Сірі волі напуває.
 Воли ревуть, води не п'ють:
 Въ Крیمъ доріженьку чують...
 Ой Богъ знає, Богъ відає,
 Де чумаченьки почувють..
 Ой почувють чумаченьки
 В степу край дороги—
 Роспустили сірі воли
 По зеленій діброві.
 Ой умер чумака молоденький

*) Рудченко, Чумицкія народныя пѣсни XXVII стр. 135.

У неділоньку, вранці,—
 Поховали та чумаченька
 Та въ зеленімъ байраці:
 Висипали надъ чумаком
 Та високу могилу;
 Посадили въ головонькахъ.
 Та червону калину.
 Прилетіла зозуленька,
 Та й сказала: „куку!“
 — Подай, милий, подай, орле,
 Та хоч правую руку!—
 Ой рад бы я, моя мила,
 Оби дві подати,—
 Та налягла сира земля
 Що неможна підняти!“

Пѣсня.

Въ огородѣ хмелинонька
 Грядки устилає;
 Промеж людьми дѣвчинонька,
 Та горько рыдає.
 Щож хмелина зелененька—
 Чомъ не вьється въ гору?
 Як хмелинѣ в гору виться?—
 Тычины не має!
 Як дѣвчинѣ не журиться?—
 Козак покидає. *)

*) Изъ сборника Старосвѣтскій бандуристь.

Пословицы.

Одна сорока съ кола, а десять на киль.

Ны мала (не имѣла) баба хлопоту, та купыла порося.

Меньше на двори—лехче въ голови.

Плывъ, плывъ, а коло берега втопывся.

Бида ны ходы по лиси, а по людяхъ.

Якъ нашъ батько горивъ, такъ ихъ грився.

Святый Ныколай и Кассіянъ.

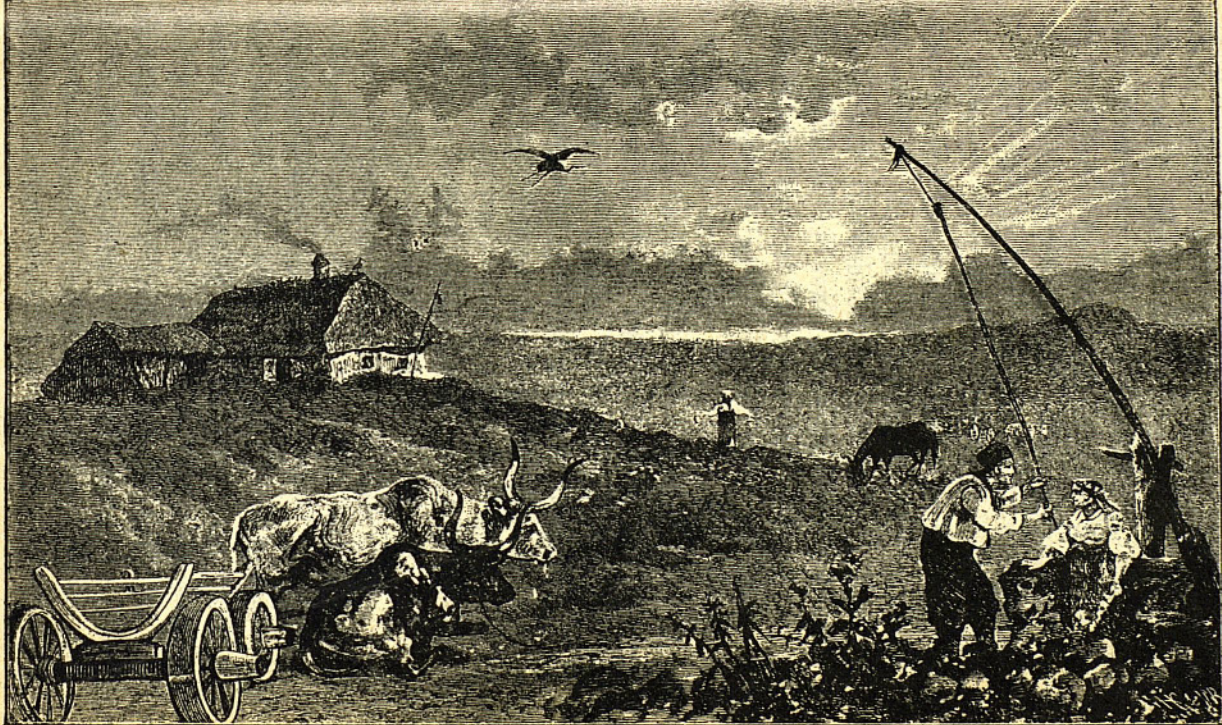
(Народный разсказъ).

На мори потопавъ корабель зъ народомъ. Копитанъ распорядывся, шобы всяка душа, скилько ихъ було на корабли, купыла свичкы, по тры гроша каждую, и шобы ся вси моылы и просылы св. Ныколая спасты ихъ видъ потопа. Святый Ныколай явывся съ Кассіянномъ. Каже св. Ныколай Кассіяновы: „ходимъ та виратуемъ корабель. Выдышь вси, скилько ихъ е на корабли, каждый дае свичку за тры гроши“. А святый Кассіянъ каже: „шо я буду талапатыся въ води за тры гроши. Иды, якъ маешъ охоту“. Взявъ тай пишовъ соби до Бога. Якъ винъ прыйшовъ, Богъ его пытае: „де святый Ныколай?“ А Кассіянъ каже: „отъ тамъ, Боже, талапается въ води за тры гроши“. После прыйшовъ и св. Ныколай до Бога. Пытае го Богъ: „де ты бувъ, Ныколаю“? А винъ ему каже, шо ратувавъ народъ съ корабля. Тогда Богъ говоры: „тоби, Ныколаю, за сесе на рикъ два празныки, не оденъ, а тоби, Кассіяны, въ штыре роки оденъ та и то въ ночи, а не въ день“.

По своему произношенію украинское нарѣчіе представляетъ немало трудностей для великоросса, почему и звучить въ его устахъ грубо, часто вызывая нѣкоторыми своими оборотами и звуками насмѣшливое къ себѣ отношеніе. Но надо признаться, что на родинѣ и въ народной средѣ малорусское нарѣчіе привлекаетъ нашъ слухъ мягкостью, звучностью и красотой звуковъ. Неудивительно, что украинцы гордятся имъ и вступаютъ въ ожесточенные споры съ великороссами, защищая не только достоинства своего нарѣчія, но и утверждая, что оно то именно и есть исконно-русское, развившееся изъ языка нашихъ предковъ—русскихъ славянъ. Но рѣшить вопросъ, какое нарѣчіе древнѣе и правильнѣе, очень трудно. Въ то время, какъ одни ученые утверждаютъ, что русская рѣчь никогда не умолкала въ бассейнѣ Днѣпра, несмотря на татарское нашествіе и бѣгство жителей отъ погрома, такъ что современное украинское нарѣчіе представляетъ прямое наслѣдіе предковъ, и потому ближе къ общерусскому языку древнихъ славянъ, другіе доказываютъ, что письменные памятники тѣхъ временъ не подтверждаютъ того. Послѣ де татарскаго погрома жители исчезли съ Украины, а когда настали болѣе мирныя времена, ее постепенно населили выходцы изъ Червонной или Галицкой Руси, которые принесли свой языкъ; изъ него то и образовалось современное украинское нарѣчіе. Этотъ споръ о языкѣ очень сильно волновалъ украинцевъ, такъ какъ то или другое рѣшеніе его должно было вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, какая изъ трехъ славянскихъ вѣтвей (великороссы, малороссы, бѣлоруссы) является наиболѣе чистой. Какъ видно, разрѣшить этотъ споръ пока еще невозможно. Но если обратиться къ произведеніямъ народнаго творчества,

то здѣсь всякаго несомнѣнно поразить на первыхъ порахъ то странное явленіе, что въ средѣ украинскаго народа почти не сохранилось тѣхъ древнихъ поэтическихъ твореній, которыя народъ нашъ складывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ еще въ самыя старинныя времена, изображая себя въ лицѣ разныхъ богатырей: Микулы Селяниновича, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и другихъ.

Среди произведеній украинскаго народнаго творчества главное мѣсто занимаютъ „думы“. Кто, когда и гдѣ ихъ складывалъ, большею частью совершенно неизвѣстно. Думы пѣсни историческія, такъ какъ онѣ повѣствуютъ либо о дѣйствительно бывшихъ событіяхъ, измѣненныхъ обыкновенно фантазіей пѣвцовъ въ народномъ духѣ, или же они посвящены изображенію явленій, которыя глубоко связаны со всѣмъ ходомъ исторической жизни украинскаго народа, начиная съ XVI вѣка, когда для Украины наступаютъ годы самой тяжелой и упорной борьбы. На Руси такихъ пѣсень мало, потому что, въ отличіе отъ украинскаго народа, населеніе Великороссіи не принимало, начиная съ момента возникновенія московскаго государства, непрерывнаго дѣятельнаго участія въ собственной исторіи. У великороссовъ сохранились болѣе древніе памятники народнаго творчества, именно былины, которыя не уцѣлѣли въ Малороссіи, хотя тамъ бы имъ, казалось, надлежало остаться такъ какъ главныя событія, описываемыя въ былинахъ, имѣютъ своимъ средоточіемъ Кіевъ-градъ и князя Владимира Красное-Солнышко. Въ древнія времена, когда народъ волновался на вѣчахъ и самъ рѣшалъ свою судьбу, взгляды народные на себя и на событія собственной жизни отражались и въ его по-

Чумакъ съ волами въ дорогѣ възлѣ колодца.

этическихъ твореніяхъ. Когда же съ помощью татаръ въ Московской землѣ возникло сильное деспотическое государство, участіе великорусскаго народа въ собственной исторической жизни сдѣлалось очень ограниченнымъ. На Украинѣ, наоборотъ, народъ не переставалъ принимать участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ. Онъ самъ думалъ о себѣ на „черныхъ радахъ“ *), выбиралъ гетмановъ, полковниковъ, создавалъ ополченія, выдвинулъ изъ своихъ рядовъ козачество и войско запорожское, которое до корня было пропитано тѣмъ духомъ древне-славянской вольности, какая дольше всего сохранялась въ Великой Россіи въ вѣчевыхъ городахъ Новгородѣ и Пековѣ. Множество личностей, героевъ, судьба которыхъ подчасъ въ высшей степени драматична, выходило изъ нѣдръ самого народа. Взять хотя-бы вождей всѣхъ возстаній, гетмановъ, кошевыхъ войска запорожскаго—все это, большею частью, люди изъ народа, выдвинувшіеся собственными доблестями, способностями или, наоборотъ, злодѣяніями. Около событій, въ которыхъ они участвовали, въ которыхъ играли выдающуюся роль, есть гдѣ разыгратъ народную фантазію. Сколько кромѣ того было въ жизни украинскаго народа болѣе мелкихъ, болѣе частыхъ событій, — панское угнетеніе, гоненія на вѣру, турецкія, татарскія неволи, московское закрѣпощеніе,—которыя терзали народное сердце и заставляли изливаться народное горе и тоску въ грустныхъ думахъ. Такъ напр., одна изъ самыхъ поэтическихъ думъ „Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова“, связана съ явленіемъ, отъ котораго Украина страдала въ теченіе вѣковъ, это опустошительные набѣги татаръ и уводъ множества людей въ злую неволю. Такъ какъ вся исторія Украи-

*) Общепародное вѣче.

ны за послѣдніе вѣка представляетъ рядъ трагическихъ событій, такъ какъ и болѣе мелкія явленія народной жизни заключаютъ въ себѣ мало веселаго, то немудрено, что большинство думъ и народныхъ пѣсенъ проникнуто грустнымъ настроеніемъ. Прибавьте къ этому, что и слагались то онѣ гдѣ-нибудь въ степи, въ одиночествѣ, въ моменты мечтательнаго раздумья. При свойственной украинцамъ музыкальности, что удивительнаго, если какой-нибудь сивый, весь въ рубцахъ отъ старыхъ ранъ, запорожець таскалъ всюду съ собой вмѣстѣ съ оружіемъ бандуру или какую-нибудь сопілку. На старыхъ народныхъ картинахъ запорожца чаще всего изображаютъ такъ: сидитъ онъ одинъ, скрестивъ ноги потурецки, подъ тѣнью явора на курганѣ или при подножіи его; возлѣ воткнуто въ землю копье, привязанъ добрый конь, на землѣ горілка съ закуской, а самъ казакъ, въ красномъ жупанѣ и съ неизмѣннымъ оселедцемъ, играетъ на бандурѣ. Когда минули козацкія времена, южнорусская степь увидѣла на своемъ просторѣ вереницы чумаковъ, возы которыхъ мѣсяцами двигались по ней. Подъ звѣзднымъ пологомъ черной ночи вокругъ костровъ изъ сухого бурьяна, вдали отъ всякихъ людскихъ поселеній, кто могъ запретить этимъ людямъ думать, чувствовать и говорить свободно, изливая свои мысли въ грустныхъ пѣсняхъ и напѣвахъ. Вотъ обстановка, въ которой слагались подобныя пѣсни. Одной изъ наиболѣе распространенныхъ историческихъ пѣсенъ, продолжающей и донинѣ жить въ устахъ украинскаго народа отъ Карпатъ и до Кавказа, является Пѣсня о полковникѣ Нечаѣ, сподвижникѣ Богдана Хмельницкаго. Нечай, предавшись какъ-то со своимъ отрядомъ гульбѣ, допустилъ ляховъ напасть на себя врасплохъ и погибъ въ жестокой сѣчѣ, хотя легко

могъ спастись бѣгствомъ. „Гей, утикаймо, Нечаю,—
ляхи въ мисти!“ кричали ему казаки. Но разгорячен-
ный виномъ полковникъ, вскочивъ изъ-за стола, закри-
чалъ: „Утикаты? Щобъ-то козакъ Нечай утикавъ!.. Якъ
можно славу свою козацкую пидь ноги топтаты? Давай
швыдче коня, джуро! Вырижемо всіхъ ляховъ, такы
всихъ до одного!“

Дума о Нечаѣ.

Ой зъ-пидь луга, зъ-пидь темнаго,
Зъ-пидь, зеленого гаю,
Ой крыкнули козаченькы: „утикай, Нечаю!“
А Нечай того да й не слухае,
Винъ того й не гадае,—
Зъ кумасею, зъ Хмельныцкою
Медь-вино кружае.
Ой якъ крыкнувъ панъ Нечаенко
Да на хлопка малого:
„Да сидлай, хлопку, да сидлай, малый,
Да коня вороного!
А пидь себе, малый хлопку,
Да попругы зтуга,
Бо буде намъ одь вражыхъ ляхив
Да привелькая туга!“
Ой якъ пробигъ панъ Нечаенко
Одь башты до башты,—
Да взявъ же винъ вражыхъ ляхивъ
У тры ряды класты.
Ой якъ повернувся панъ Нечаенко
Одь брамы до брамы,—
Да й поставивъ вражыхъ ляхивъ

У чотыры лавы.
 Ой якъ глянувъ да панъ Нечаенко
 На правее плече—
 Ажъ зъ-пидъ вражыхъ ляхивъ
 Да кровавая ричка тече.
 Ой якъ глянувъ да панъ Нечаенко
 А на ливую руку,
 „Да вже жъ, малый хлопку, не выскочыть
 Изъ лядського трупу!“
 Якъ побижыть панъ Нечаенко
 Изъ горы да въ долину,—
 Якъ угнався панъ Потоцькый
 Да й взявъ его за чупрыну.

Вотъ одна изъ самыхъ старинныхъ думъ, описывающая мученія плѣнныхъ въ турецкой неволѣ:

Плачь невольниковъ на турецкой каторгѣ ¹⁾.

У святу неділю не сизі орли заклекотали,
 Як то бідни невольники у тяжкой неволі заплакали,
 У гору руки піднімали, кайданами ²⁾ забряжчали;
 Господа милосердного прохали ³⁾ та благали ⁴⁾:
 „Подай нам, Господи, зъ неба дрібен дождчик,
 А зъ низу буйний вітер!

¹⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, «Историческія пѣсни малорусскаго народа». Каторга иначе галера, на которой прикованные къ скамьѣ рабы должны были грестъ,

²⁾ Кайданы—кандалы.

³⁾ Просили.

⁴⁾ Ублажать.

Хочай би чи не встала на Чорному морю бистрая
хвиля ⁵⁾);

Хочай би чи не повиривала якорів зъ турецької ка-
торги!

Да вже ся намъ турецька-бусурманьска каторга надоіла:

Кайдани-залізо ⁶⁾ ноги повривало,

Біле тіло казацьке молодецьке коло жовтої кості по-
шмугляло“ ⁷⁾.

Баша турецький, бусурманьский.

Недовірок ⁸⁾ християнський

По ринку він похожає,

Він самъ добре теє зачуває: ⁹⁾

На слуги свої, на Турки-яничари со зла гукає:

„Кажу я вам, Турки-яничари, добре ви дбайте,

Із ряду до ряду захожайте,

По три пучки тернини і червоної таволги набирайте,

Біднаго невольника по-тричі ¹⁰⁾ вь однім місці зати-
найте“ ¹¹⁾);

То ти слуги, Турки-яничари, добре дбали,

Із ряду до ряду захожали,

По три пучки тернини і червоної таволги у руки на-
бірали,

По тричі в однім місці бідного невольника затинали;

Тіло біле казацьке молодецьке коло жовтої кості обри-
вали,

Кров християнську неповинно проливали.

5) Бурное волненіє.

6) Желѣзо.

7) Потерло.

8) Недовірокъ—ренегать, тотъ, кто для выгоды или изъ страха перемѣнилъ вѣру.

9) Услыхалъ.

10) Втрое.

11) Перевяжите.

Стали бідни невольники на собі кров християнську
забачати ¹²⁾,

Стали землю турецьку, віру бусурманську клясти-про-
клинати:

„Ти, земле Турецька, віро бусурманська,
Ти, розлуко християнська!

Не одного ти розлучила з отцем з матерью,

Або брата з сестрою,

Або мужа з вірною жоною!

Визволь, Господи! всіх бідних невольників,

З тяжкої неволі турецької,

З каторги бусурманської

На тихі води,

На ясні зорі,

У край веселий,

У мір хрещений,

Даруй, Боже, милости вашій,

І всьому війську запорозькому

На многая літа.

Въ началѣ XIX вѣка, когда исторія украинскаго на-
рода совершенно прекратила свое теченіе, появились
люди, которые заинтересовались украинской народной
поэзіей и стариной. Они дѣятельно стали записывать
исчезающія пѣсни и преданія, собирать рукописи и та-
кимъ образомъ воскрешали исторію Украины. Въ этомъ
дѣлѣ равное почти участіе принимали какъ сами укра-
инцы, такъ и польскіе и русскіе ученые. Когда сбор-
ники пѣсенъ и другихъ произведеній народнаго твор-
чества появились въ печати, они привлекли къ себѣ
общее вниманіе. Предъ глазами образованныхъ людей

¹²⁾ Увидали, замѣтили.

возсталъ какой-то новый міръ, о существованіи котораго на время совсѣмъ забыли. Самъ-то украинскій народъ продолжалъ оставаться самимъ собой, но такъ какъ жизнь его мало чѣмъ проявлялась — не было возстаній, волненій, какъ въ прежнія времена—то казалось, что онъ куда-то исчезъ, а теперь вновь появился, словно выросъ изъ-подъ земли. Поэтическія произведенія украинскаго народа съ несомнѣнностью доказывали, что существуетъ живой украинскій языкъ, а если есть языкъ, значитъ, есть и народъ. Какой же это народъ? Особый ли какой, или вѣтъвъ народа русскаго, польскаго?

И начались горячіе споры. Украинскіе изслѣдователи утверждали, что малорусскій народъ—особый народъ, старшій братъ народа великорусскаго; польскіе ученые причисляли его къ народу польскому, а многіе русскіе писатели старались доказать, что малорусскій народъ не болѣе, какъ придатокъ великорусскаго племени. Споры разгорались сильнѣе и сильнѣе, а такъ какъ рѣшить эти вопросы можно было только изученіемъ исторіи народа и изслѣдованіемъ его языка, то за это и принялись горячо. На первый взглядъ могло казаться, что изъ ученыхъ споровъ не много выйдетъ толку: пока ученые спорили, рабство и униженіе продолжали тяготѣть надъ народомъ. Казалось бы, надо было изучать не обломки какой-то старины, а самое положеніе, въ какомъ находился украинскій народъ, выяснить причины его бѣдствій и указать выходъ. Но время тогда было такое, что объ этомъ нельзя было и заикнуться. Это было время крѣпостного права, при которомъ массы людей подчинялись игу немногихъ, которые всякими способами высасывали изъ нихъ лучшіе соки. Съ крѣпостнымъ правомъ былъ

тѣсно связанъ ужаснѣйшій деспотизмъ, который грозилъ тюрьмой, каторгой и казнью всякому, кто бы вздумалъ разоблачать его. Что же удивительнаго, если немногіе образованные люди, которые понимали тягости и опасности общаго состоянія, не находили иного способа уяснить его себѣ и другимъ, кромѣ окольнаго пути, состоявшаго въ томъ, чтобы, изучая языкъ и пѣсни народа, выяснить характеръ его и его прошлое. Обыкновенно, если сдѣланъ первый шагъ, то за нимъ слѣдуетъ второй, третій и т. д. Начали съ изученія старины, занялись потомъ языкомъ. Не успѣли еще одни окончить свои споры о языкѣ, какъ другіе уже начали разсуждать объ особенностяхъ народа, которому языкъ принадлежалъ. Отъ этого предмета уже одинъ шагъ къ тому, чтобы задаться вопросомъ, въ какомъ состояніи живетъ народъ, и почему массы бѣдствуютъ. Къ несчастью, въ то время общее невѣжество и забитость народа были такъ велики, а деспотизмъ правительства и высшихъ сословіи такъ силенъ, что опасность „спокойствію и порядку“ видѣли во всемъ. Такая подозрительность со стороны правительства и высшихъ сословіи являлась вполнѣ понятной. Угнетеніе крѣпостныхъ людей помѣщиками и давленіе, производимое правительствомъ на людей образованныхъ, препятствовали развитію творческихъ силъ народа, т. е. появленію въ его средѣ людей, дарованія, таланты и дѣятельность которыхъ направлены обыкновенно на достиженіе общаго блага. Самому усиленному гоненію подвергается въ этихъ случаяхъ литература и ея дѣятели. Только благодаря тому, что немногіе образованные люди заинтересовались украинскимъ языкомъ и стариной, появившійся въ то время величайшій украинскій поэтъ изъ народа, Тарасъ Шевченко, не погибъ,

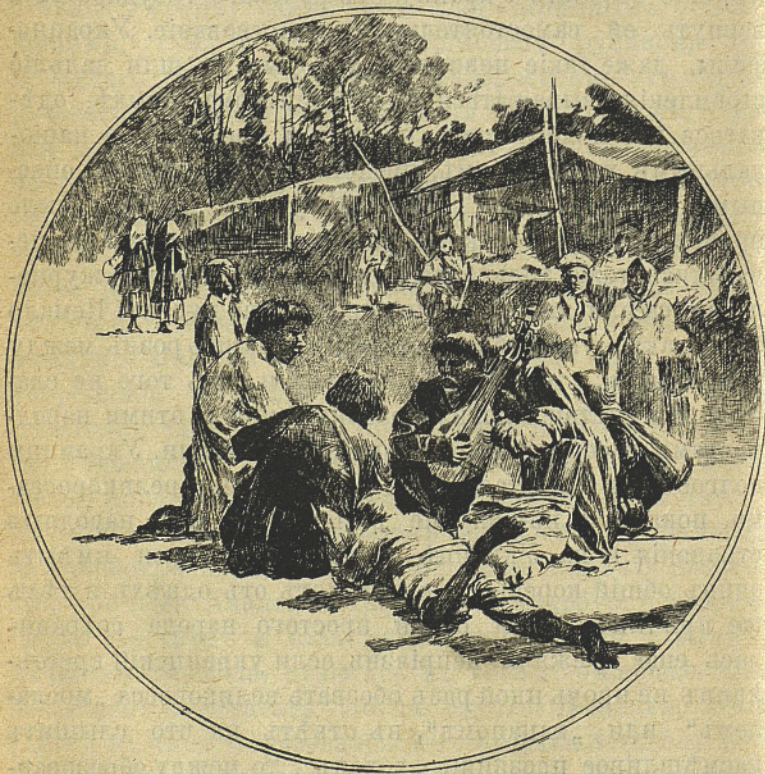
подобно многимъ другимъ талаптамъ, задохшимся въ узахъ крѣпостного варварства, а имѣлъ возможность вырваться на волю и получить хоть какое - нибудь образованіе. Великій поэтъ, да еще вышедшій изъ самыхъ нѣдръ народа, непременно вынесетъ народное горе наружу и откроетъ смыслъ народныхъ страданій въ звукахъ своихъ пѣсенъ, о чемъ бы онъ 'ни пѣлъ. Едва на Украинѣ пробудился интересъ къ старинѣ, къ родному языку и литературѣ, какъ естественно произошло, что изслѣдователи этого рода, чтобы успѣшнѣе достигъ своей цѣли, соединялись въ кружки и общества. Но когда въ концѣ царствованія императора Николая I нѣсколько образованныхъ и даровитыхъ украинцевъ, въ числѣ которыхъ находился знаменитый впослѣдствіи историкъ Костомаровъ и поэтъ Тарасъ Шевченко, составили кружокъ подъ названіемъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства съ цѣлью всесторонне изучать малороссійскую старину, правительство справедливо увидѣло въ этомъ скромномъ начинаніи величайшую для себя опасность. Членовъ кружка арестовали и подвергли разнымъ суровымъ карамъ. Хотя члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства пострадали жестоко, но это никакъ не могло заставить другихъ чуткихъ и умныхъ людей закрывать глаза на дѣйствительность. Такъ какъ угнетеніе, кары и преслѣдованія сыпались на украинскій народъ и на его дѣятелей отъ русскаго правительства, которое еще недавно закабалило украинскій народъ помѣщикамъ, то естественно случилось, что не только народъ, но и образованные украинцы представляли себѣ Велико-россію въ видѣ враждебной силы, съ которой не хотѣли считаться въ близкомъ родствѣ. Все свое, родное, украинское, представлялось дорогимъ, древнимъ и само-бытнымъ, и въ немъ отыскивали древне-русскія начала,

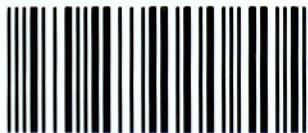
при господствѣ которыхъ Украина могла бы благоденствовать.

Эти начала одни видѣли, кромѣ упраздненія крѣпостного права, въ уничтоженіи причинъ неравенства и въ установленіи общей свободы и союзныхъ отношеній между Украиной и Великороссіей. Другимъ, менѣе дальновиднымъ, казалось, что для этого достаточно предоставить Украину самой себѣ и ея стариннымъ учрежденіямъ, т. е. избавить австрійскихъ русиновъ отъ польскаго гнета, а русскихъ малороссовъ—отъ опеки русскаго правительства и вліянія великоруссовъ. Страдая душой за Украину, которую лишали самобытности, эти дѣятели, *украинофилы*, какъ ихъ называли, испытывали сильное раздраженіе отъ преслѣдованій, какимъ подвергался особенно малорусскій языкъ. Чѣмъ шире развивалось это движеніе, тѣмъ сильнѣе становились притѣсненія, которыя особенно усилились послѣ возстанія Польши въ 1863 г. Въ этомъ году вышло запрещеніе печатать на украинскомъ языкѣ какъ духовныя, такъ и всякія популярныя и школьныя книги. Украинскій народъ, какъ извѣстно, очень набоженъ, но даже и самое Евангеліе онъ не могъ читать на родномъ языкѣ. Когда одинъ малороссъ, по фамиліи Морачевскій, перевелъ на украинское нарѣчіе Евангеліе, причемъ Академія Наукъ въ Петербургѣ разсмотрѣла его трудъ и дала самый похвальный отзывъ о качествѣ перевода, рукопись въ 1863 г. было все-таки запрещено напечатать. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ (1873), въ Кіевѣ образовался Юго-западный отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, члены котораго горячо принялись за изученіе родины, дѣятельность ихъ была признана опасной, и отдѣлъ былъ закрытъ уже черезъ три года (въ 1876 г.). Были даже

запрещены спектакли и концерты на малорусскомъ языкѣ. Опасными казались не только люди, которые прямо посвящали свои силы борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ, съ бѣдностью его и безправіемъ, но писатели и ученые, которые своими трудами воскрешали не болѣе, какъ угасшую давнымъ давно старину. Въ ихъ дѣятельности подозрѣвали *сепаратизмъ*, т. е. намѣреніе отколотъ Украину отъ русскаго государства и вернуть ей самостоятельное существованіе. Украинофилы, даже такіе невинные, которые не шли дальше стремленія выразиться на украинскомъ языкѣ, одѣваться въ малорусскую одежду и предаваться національнымъ увеселеніямъ, представлялись людьми опасными. Въ народныхъ школахъ ученіе должно было происходить на русскомъ языкѣ, народныя изданія печатались тоже только на этомъ языкѣ, газеты и журналы не смѣли выходить иначе, какъ по русски. Немало было также употреблено стараній усилить рознь между украинцами и русскими, которая и безъ того не слабѣла вслѣдствіе многихъ различій между этими народностями и событій ихъ исторической жизни. Украинцы долгое время считали себя угнетенными великороссами, пока мало по-малу не выяснилось, что народныя страданія и на Украинѣ и на самой Руси имѣютъ одинъ общій корень и происходятъ отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ. Если среди простого народа сохранилась еще прежняя непріязнь, если украинскій крестьянинъ не прочь иной разъ обозвать великоросса „москалемъ“ или „кацапомъ“, въ отвѣтъ на что слышитъ насмѣшливое прозвище „хохолъ“, то между образованными украинцами и великороссами, стремящимися посвятить свои силы общенародному благу, уже не существуетъ прежней розни. Каждая сторона признаетъ

за другой право на самобытное развитіе, которое нисколько не помѣшаетъ имъ общими силами добиваться того свѣтлаго будущаго, вѣсть о которомъ распространяется теперь среди народныхъ массъ всеѣхъ образованныхъ странъ. И надо надѣяться, что узы этого кровнаго братства не порвутся, а будутъ крѣпнуть, не мѣшая ничьей свободѣ.

2007085565